

«Петербургский дневник» представляет

Борис
Орлов

Тянуло войною из-за горизонта,
Но люди устали от прежней войны.
Мы дети солдат,
возвратившихся с фронта,
Мы поздние дети
Великой страны.

Холодная война –
глубины океана...

Писатели на войне, писатели о войне

Борис Александрович Орлов
Холодная война –
глубины океана...
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481773

Холодная война – глубины океана...: Информационно- издательский центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; СПб;

2015

ISBN 978-5-91498-072-3

Аннотация

В эту книгу вошли стихи, написанные в течение почти сорока лет. В них рассказывается о службе на флоте, о родственниках принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах, о малой родине автора и о сформировавшихся в течение жизни философских взглядах. С детских лет Борис Александрович Орлов чувствовал себя гражданином великой страны, частичкой великого народа. Вместе со всеми он переживал наши победы и неудачи. Никогда не был равнодушным. Боль русского народа чувствовал своим сердцем. И это нашло отражение в его стихах: «Русский мир – это мир, в котором я родился, мир, который я защищал, служа на флоте, и продолжаю защищать,

служа литературе. Меня радует, что Россия в последние годы значительно окрепла, вернула Крым, ее корабли опять бороздят океаны. Я верю в счастливое будущее моей страны, страны сильной и справедливой, хотя и придется ей пройти еще через множество нелегких испытаний».

Содержание

ОТ АВТОРА	15
***	18
I	19
***	19
Север	20
***	21
***	22
***	23
***	24
***	25
Атака	26
***	27
***	28
Авария	29
В конце похода	30
***	31
***	32
***	33
***	34
В Ленинграде	35
***	36
***	37
Заполярье	38

Полярная ночь	39
Начало похода	40
* * *	41
Полигон	42
Обелиск	43
* * *	44
* * *	45
Утренняя песня	46
Отдаленный гарнизон	47
В отпуске	48
* * *	49
Залив	50
* * *	51
* * *	52
Картина	53
* * *	54
* * *	55
* * *	56
В реакторном отсеке	57
Шутка	58
Шторм	59
* * *	60
День рождения	61
* * *	62
* * *	63
* * *	64

***	65
***	66
***	67
***	68
***	69
Наш корабль	70
***	71
***	72
***	73
Флаг	74
***	75
II	76
1955 год	76
Отцу	78
В День Победы	79
Возвращение	80
Сорок первый год	81
***	82
Высота	83
***	84
Ветеран	85
***	87
***	88
***	89
Доты	90
***	91

Инвалид	92
* * *	93
* * *	94
* * *	96
История в фотографиях	97
* * *	99
* * *	100
* * *	101
Кара	103
* * *	104
* * *	105
* * *	106
* * *	107
* * *	108
* * *	109
* * *	110
* * *	111
* * *	112
* * *	113
* * *	114
* * *	115
Распад	116
Майдан	117
Поступь фашизма	118
* * *	119
* * *	120

***	121
***	122
***	123
Аномальная провинция	124
***	125
***	126
***	127
***	128
***	129
***	130
***	131
***	132
Монолог в смутное время	133
Ш	134
***	134
***	135
Битва	136
***	137
***	138
***	139
***	140
***	141
***	142
***	143
***	144
***	145

***	146
***	147
***	148
***	149
***	150
***	151
***	152
***	153
***	154
***	156
***	157
***	158
***	159
***	160
***	161
***	162
***	163
***	164
***	165
***	166
***	167
***	168
***	169
***	170
***	171
***	172

***	173
***	174
***	175
***	176
***	177
***	178
***	179
***	180
***	181
***	182
***	183
***	184
***	185
***	186
***	187
***	188
***	189
***	190
Русские	191
***	192
***	193
***	194
***	195
***	196
IV	197
***	197

***	198
Живетъево	199
***	201
Старушка	202
***	203
***	204
***	205
***	206
***	207
***	208
***	209
***	210
***	211
***	212
***	213
***	214
***	215
***	216
Цветок	217
***	218
***	219
***	220
***	221
***	222
***	223
***	224

***	225
***	226
***	227
***	228
***	229
***	230
***	231
***	232
***	233
***	234
***	235
***	237
***	238
***	239
***	240
***	241
***	242
***	243
***	244
***	245
***	246
***	247
Масленица	248
Лето	249
На берегу водохранилища	250
V	251

Крестный ход

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

Побережъе

* * *

* * *

* * *

Молилта

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

288

289

290

291

Борис Орлов

Холодная война – глубины океана...

ОТ АВТОРА

Холодная война... О ней стали говорить в начале 1990-х годов после развала Советского Союза. Американцы даже выпустили медаль, которую они, как считали, вручали победителям в этой войне. Да, время после мая 1945 года было напряженным. США разработали несколько планов по нанесению ядерных ударов по СССР. Они навязали нам гонку вооружений, чтобы подорвать нашу экономику. Мир был напряженным, но более спокойным, чем после развала Советского Союза.

Советским Вооруженным Силам и другим силовым структурам после Великой Победы пришлось принять участие почти в четырех десятках военных конфликтов, за организацией которых, как правило, стояли американцы и их союзники по НАТО. Холодная война давала горячие вспышки – в ней гибли советские люди. Например, после Великой Отечественной войны в результате столкновений с натовскими подводными лодками, катастроф на море и аварий по-

гибло около тысячи моряков-подводников. Но, к сожалению, все эти сведения были засекречены. И проиграли эту войну не наши Вооруженные Силы, а политики времен так называемой перестройки.

Я после окончания Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского несколько лет прослужил на атомных подводных лодках Северного флота. И считаю эти годы самыми важными в моей судьбе. Служба подводника закалила характер и помогла сформировать государственно-политическое понимание событий, происходящих в стране и в мире.

В эту книгу вошли стихи, написанные в течение почти сорока лет. В них рассказывается и о службе на флоте, и о моих родственниках, принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах, и о моей малой родине, и о сформировавшихся в течение жизни философских взглядах.

С детских лет я чувствовал себя гражданином великой страны, частичкой великого народа. Вместе со всеми я переживал наши победы и неудачи. Никогда не был равнодушным. Боль русского народа я чувствовал своим сердцем. И это находило отражение в стихах.

Русский мир – это мир, в котором я родился, мир, который я защищал, служа на флоте, и продолжаю защищать, служа литературе.

Меня радует, что Россия в последние годы значительно окрепла, вернула Крым, ее корабли опять бороздят океаны.

Я верю в счастливое будущее моей страны, страны сильной и справедливой, хотя и придется ей пройти еще через множество нелегких испытаний.

Борис Орлов

Контр-адмиралу Льву Чернавину

Не сыпалась на нас спасительная манна,
Мы не брели в песках к неведомой стране,
Холодная война – просторы океана.
Холодная война – тараны в глубине.

Мы укрощали нрав торпедам и ракетам:
Холодная война, как топка, горяча.
Все сведенья о нас хранились под запретом,
Секретным был приказ, но он карал сплеча.

Холодная война – и подвиги, и горе...
На боевом посту характер обрели.
В нейтральных водах нет ничейных территорий,
Надгробьями на дне ржавеют корабли.

И хрипы ревуна, и задымленье пульта,
Как взрывы донных мин, срывали с коек нас.
Холодная война – инфаркты и инсульты:
Уходим в небеса, когда ушли в запас.

I

Черная подлодка.

Черная вода.

Черная пилотка.

Красная звезда.

Север

Гранитный север. Цепкая трава.
Гул океана. Валуны и сопки.
Весомее дела. Скупей слова.
Здесь трудно нерешительным и робким.

Мох окаймил веснушчатый гранит.
Вновь близкий шторм растет в метеосводке.
А бухта лишь мгновение хранит
Волну от погрузившейся подлодки.

Мы погружались. Море безразмерным
Казалось. Выл пронзительно ревун.
Вода врывалась с грохотом в цистерны,
Как будто в барабаны бил Нептун.

А через месяц возвращались поздно
Полярной ночью – ни огня окрест.
Когда всплывали, то в цистернах воздух
Пел, словно в трубы, духовой оркестр.

Ночь навалилась холодно и сыро.
Корабль похож на дремлющий ковчег.
Мы белые чехлы снимаем с бескозырок —
Из туч летит на землю белый снег.

Но все еще о лете разговоры,
Хоть пар и замерзает возле рта.
Стрекочут, как кузнечики, приборы
В молчании центрального поста.

А на рассвете краткий шифр команды
Нам ясно растолкуют маяки.
И загрохочут, словно камнепады,
На палубах матросские шаги.

Много суток ни заря, ни звезды
Не ласкали напряженных глаз.
Но запел в цистернах сжатый воздух —
Продувался весело балласт.

В рубку поднялись поочередно.
Долгие затяжки. Горький дым.
Диск луны, неяркий и холодный,
Выплыл, словно нерпа, из воды.

Но тревога вновь задраит люки.
Рухнет на подлодку тяжесть вод.
А земля устала от разлуки,
Нас вдали нетерпеливо ждет.

Грома, играя, чистят глотки.
На полушарии – весна.
Но в тесном корпусе подлодки
Мы – как ростки внутри зерна.

Дыханье солнца помним смутно —
Над головою сталь крепка.
Но в люк однажды хлынет утро —
И мы услышим... облака.

И всплыть – новое рожденье —
Волной ветров окатит нас.
Предстанет зыбким, как виденье,
Мир, не вместившийся в приказ.

В брызгах от набежавшей волны,
Словно луны, блестят валуны.

На земле и на небе – снега.
Снежный свет затопил берега.

К стаям тихих жилищных огней
Сосны птицами рвутся с камней.

Им на сопках гнездиться невмочь.
Индевет полярная ночь.

Атака

Весь корабль напряженно дрожит.
Что за страсть пробудилась в металле?
Ниже волн наше море лежит.
Отклоняется курс к вертикали.

Участилось дыханье турбин
От объятий подводного мрака.
И в тяжелом безмолвье глубин
Оживают торпеды...
Атака!

Литые волны хмурого залива
Штурмуют скалы, как морской десант.
Мои друзья не говорят красиво —
Привычнее для них слова команд.

Их согревают флотские шинели
В стерильный холод и озонный дождь.
На плечи росахами метели
Бросятся из карликовых роц.

Они словам не верят – верят фактам.
Им непривычны выходные дни.
И что такое атомный реактор,
Своею кровью чувствуют они.

Памяти умерших от лучевой болезни

Они в списках павших не значатся.
Их с нами в компании нет.
Коварнее пуль радиация —
Невидимый дьявольский свет.

Вокруг ни войны, ни пожарища...
Их смерть, как прыжок затяжной, —
Мучительно наши товарищи
Уходят с арены земной.

От вектора жизни до фактора
Кончины —
незримый распад.
В разбуженных недрах реактора
Таится урановый ад.

Авария

Выпью спирт, разбавив дистиллятом,
И войду в реакторный отсек.
Я покрою матом мирный атом,
Что нам укорачивает век.

Эту жизнь, дневную и ночную,
Я люблю – и знаю в жизни толк.
А реактор заглушу вручную...
Мирный атом – как домашний волк.

В конце похода

Пока еще оркестр
Нас маршем не встречал
У скользких берегов
Скалистого фиорда.
Но кажется, что борт
Оперся на причал,
К которому корабль
Пришвартовался с норда.

В обители стальной
Нет ни лесов, ни рек.
И тишина порой
Становится безликой.
Но пахнет по ночам
Реакторный отсек
И рощею грибной,
И спелой земляникой.

Омыла нерпа в море ласты
Шестидесятой широтой.
Цистерны главного балласта
Пустили воду на постой.

В «центральной» свято, словно в храме.
Лениво вертятся рули.
Декоративными цветами
Табло в отсеках зацвели.

Наш мир безмолвием озвучен.
Спит черным космосом вода.
И астероидною тучей
Плывут над нами глыбы льда.

В отсеках – день, в подлодке – лето.
Моря – начало всех начал.
Но, как замерзшая планета,
Нас встретит холодом причал.

В отсеках ветры не свистят,
Не буйствует гроза,
Но оседает конденсат
На робах, как роса.

Опять швартуется весна
К прибрежным валунам.
Морзянкой жаркою она
В сердца стучится к нам.

Неделя ходу – и рассвет,
И сопок синева.
И письма выпорхнут на свет,
Как первая листва.

Я лунный свет ловлю в ладони.
Безмолвна тундра. Ночь длинна.
На склоне сопки, как на троне,
Сидит полярная сосна.

Здесь все мало. И только тени
Огромны, как пурги крыло.
И чудно, словно в день творенья.
И перевозданно. И светло.

Неустроенность быта. Растерянность.
Чемодан приютился у ног.
Нарушается в жизни размеренность.
Впереди незнакомый порог

Необжитого дома. Над крышами,
Как тюлени, плывут облака.
К низким стенам боками пушистыми,
Откружившись, прижались снега.

Тишина. Ни души. Лишь таинственно
Сквозняками играет апрель.
Я повешу на гвоздик единственный
В лейтенантских созвездьях шинель.

В Ленинграде

Тане

Я не был год у розовых колонн.
Жизнь пролегла не гладко и не просто.
Рвут надо мной вечерний горизонт
Под облака взметнувшиеся ростры.

В разлуке напридумывал тревог,
Нелепо волновался без причины.
А ты жила дыханьем давних строк.
Мою подлодку прятали глубины.

Где вымытый гранит щербат и сер,
Куплю, как прежде, белые гвоздики.
Навстречу рыжим ветром хлынет сквер,
Услышу журавлей усталых крики.

Чтоб растопить в твоих земных глазах
Проникший в сердце холод Заполярья,
Остановлюсь несмело в двух шагах
Я, обошедший оба полушарья.

Гостиничная койка. Щербатое трюмо.
На тумбочке белеет забытое письмо.
Не греет батарея. Шныряют сквозняки.
Не скоро дочитаю две летние строки...

В тлеющем холоде осени
Лето сгорело дотла.
Стынут лишайника проседи
В тундре, как будто зола.

Может, подмятый потерями,
Жить научусь, не спеша.
Но под косыми метелями
Не покривится душа.

Заполярье

Легко вращается планета,
Роняя вьюги и грома.
На южном склоне сопки – лето,
На склоне северном – зима.

И по растрескавшимся кручам
Замшелой северной земли
Сползают смерзшиеся тучи
В незамерзающий залив.

Заиндедеввшие туманы
К камням прилипли, словно мхи.
Но будят сонные бакланы
Матросов, будто петухи.

Полярная ночь

Отяжелело солнце. Из-за льдов
Оно уже не выкатится плавно.
Оборвана пургою цепь следов,
Что придавила выставшие травы.

Матросский строй стекает на причал.
Скала нависла над казармой круто.
Девятый вал на взмыленных плечах
Приподнимает сумрачное утро.

Убрали трап, сколов зеленый лед.
Задраили на низкой рубке дверцу.
И застучало ядерное сердце.
Винтом рассек волну атомоход.

Здесь юность поняла военный быт:
И уют, и жаркие тревоги.
В широтах снежных замело дороги.
Окраина России – центр судьбы.

Начало похода

Люк задраен. И начат отсчет
Ратных суток в подводном полете.
И замедленно время течет
В лодке атомной, как в звездолете.

Суматохой в отсеке похож
День ухода на день возвращенья.
На причале не скоро вдохнешь
Сумрак, полный земного свеченья.

Экипажу атомной подводной лодки «Волгоград»

Нам под волнами шар земной послушен,
В реакторе беснуется уран.
Уходит от причала наша суша
И курс берет в открытый океан.

Подводников возвышенные лица...
Но где мы, неизвестно матерям.
Мы – часть России, мы несем границу
Страны по океанам и морям.

То солнцем обожжен, то вновь простужен
Над зыбкими волнами горизонт.
Для государства субмарина – суша,
Россия там, где наш подводный флот.

Полигон

В пепле утоплены ветры.

Нет ни лугов, ни дорог.

Здесь убивают планету

Бомбами, плавя песок.

Здесь у планеты висок.

Обелиск

Вместились жизни в краткую строку,
Застывшую на камне отрешенно.
Душа – в глубинах. Прах – на берегу.
Взрослеют дети, и седеют жены.

И набухает небо. И штормит.
Но море не сильнее человека...
Хотя порою траурно гремит
Затишье аварийного отсека.

Мы не против наград и чинов.
Наигравшись в подводные жмурки,
Колем дырки мы для орденов,
Примеряя в отсеках тужурки.

Вероятный противник... Опять
Мы за ним обогнули полсвета.
В иностранных трескучих газетах
Шторм словесный уже не унять.

Орден не видать в этот раз —
Вслед нам ноты протеста летели.
Ждут нас люди в Особом отделе.
А ведь мы выполняли приказ!

Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.
За подоконником – галка,
Солнце, березы, овраг.

Снова шинель мою лето
Плотно скатало в рулон.
Два золотистых просвета
Перечеркнули погон.

Службу на время оставил —
Муза зашла впопыхах.
В строгом военном уставе
Нет статьи о стихах.

Стал подозрительным – жалко!
Шепчут: «Что пишешь, чудак?»
Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.

Утренняя песня

Отогрею лиру под шинелью
И охрипшим голосом своим
Запою, как мечутся метелью
Чайки
и в заливе спит Гольфстрим.

Стынет солнце, словно самородок,
На скале, лучом задев радар,
Над стальными люками подлодок
Виснет, как над прорубями, пар.

Губы, обожженные норд-вестом,
Замолчат... Но, сбросив холод снов,
Этот мир откликнется оркестром
Бьюг и корабельных ревунов.

Отдаленный гарнизон

Вдали города...
Здесь запретная зона,
Ревун над заливом
И гарь полигона.
Из тундры уходит
Продрогшее лето.
В киоске —
Уставы, конверты, газеты.

Тревогой отброшенный
В море,
С рассвета
Внимаю командам
Полярного ветра.

В отпуске

Пестрый день встречаю у окошка.
Не причал, а яблоня скрипит.
В магазин шагаю за картошкой —
Обживаю вновь семейный быт.

Отпуск – жизни суетной начало,
И конец – непрочен, будто нить.
Нас от быта море отучало,
Заставляя бытие ценить.

Словно белые ангелы,
На мои плечи садятся метели.
Их зовет звездное небо,
Отразившееся в погонах.
А когда сильный ветер
Распахивает огромные крылья
Флотской шинели,
Я становлюсь
Черным демоном.

...Скоро встречу шторм.

Залив

Замерз на лету молчаливо
Сорвавшийся с кручи ручей.
И кажется, что над заливом
Не будет весенних речей.

Горбатые льдины, как четки,
Швырнул океан под волну.
Уходит подводная лодка
На полюс, вспоров глубину.

Наверное, встречу не скоро
На праздничном пирсе друзей.
...В отсеках немного простора,
Поэтому сердце слышней.

Примерзли к скале облака.
Луна на воде, словно риф.
Полярная ночь, как река,
Впадает в холодный залив.

Темнеет над рейдом окно.
Его не разбудит фонарь.
В пустынной казарме давно
На лете застыл календарь.

В круженье подводничких трасс
Немного устала братва.
Но мудрый военный приказ
На отдых имеет права.

Замкнутым пространством нарекли
Мир наш в оболочке из титана.
Каждый миллиметр, как пядь земли,
Кровью с боем взят у океана.

Тусклый свет. И – ни ночей, ни дней.
Люди в лодке движутся сутуло.
Палубы подводных кораблей
Непригодны для морских прогулок.

Воды завиваются в спираль
За винтом. Подлодка – глубже тралов.
Сутки сведены не в календарь,
А в обложки вахтенных журналов.

Картина

Забыли о том, что над нами
Кромешная толща воды.
Каюта. В березовой раме
Картина: на ветках дрозды,
Деревья на фоне болота.
И мы после флотских трудов
В холодных и теплых широтах
Пьем чай возле этих дроздов.
Уже надоели глубины
Мельканьем наскучивших лиц.
И льется в каюту с картины
Беззвучное пение птиц.

Памяти В. Юдина

В нейтральных глубинах спуют корабли —
Носители ядерной смерти.
Ушли в океан – не из жизни ушли:
Вы страхом опасность не мерьте!

За нашей подлодкой – невидимый след.
Не будет ни криков, ни шума.
Возможно, вернемся, а может быть, нет.
Но лучше об этом не думать!

Памяти капитана 3-го ранга В. Юдина

Юность прошла, словно грипп —
Жаром любви окатила.
Заматерел и охрип,
Жизнь изваял из тротила.

Грозди дневных облаков
Снегом укутали крыши.
В тесном кругу моряков
Море трагедией дышит.

Гибнет отсек под водой —
Круг превращается в точку...
И под замерзшей звездой
Плачет жена в одиночку.

Гудит планета, словно барабан.
Землетрясения рвут природы лоно.
И нервы, как в реакторе уран,
Сгорают – становлюсь опасной зоной.

Все гибнет – от слона до воробья.
И фауне уже не сбиться в стадо.
Я, разрушая жизнь вокруг себя,
Стал вредною частицею распада.

В болезнях ли, в озонной ли дыре
Мы растворимся глиняным колоссом?
Как в устье мутной Леты,
на Земле
В людей сливает стоки вечный космос.

В реакторном отсеке

Бросив на крышку реактора
Ватник,
Дремлет подводник —
Скиталец и ратник.

А по щеке его,
Нагл, как цыган,
Полупрозрачный
Ползет таракан.

Их породнили
Нейтральные воды,
Всплеск радиации,
Кризис свободы.

...С ядерным грузом
Уйдя в океан,
Сотни Чернобылей
Плавают уран.

Шутка

Шторм во флотской походе,
В планках орденских китель.
Ходит в черной пилотке
Мой ангел-хранитель.

А характер не кроткий —
Кроет в мать и в царя.
Ангел в черной пилотке —
Командир корабля.

Шторм

Вода закипает за бортом,
Как в ливень – густая листва.
Нигде между Богом и чертом
Не сыщешь теснее родства.

Мне тучи казались эскортом,
Но сгинул в пучине мой след.
Нигде между Богом и чертом
Огромнее пропасти нет.

Без крови – открыта аорта —
Укрыла вода, не земля!
Нет в мире ни Бога, ни черта.
И нет на волнах корабля.

Нам казался веселым и сирым
Лейтенантский хмельной уют.
Нам старухи сдавали квартиры,
Словно крепости в битвах сдают.

По задворкам лесного пространства,
По околицам мирной страны
Жили...
В службу впадали, как в пьянство,
Заложив душу богу войны.

А потом оставлять полигоны
Нам предписывал строгий приказ.
И, снимая ремни и погоны,
Как в себя, уходили в запас.

День рождения

И морской офицер, и поэт...
Три минуты затишья в эфире.
Мне исполнилось тридевять лет
В тридевой казенной квартире.

Стынет в кружке технический спирт,
А над кружкой топорщится сало.
Не до женщин... Какой уж тут флирт! —
Быт по разным углам разбросало.

Для поэзии дверь распахну.
Свечки в черствой буханке — не в торте.
Жизнь люблю. И судьбу не кляню.
Блок — на полке. На поясе — кортик.

Туз бубновый. И дама крестей.
Картам нет, словно женщинам, веры.
И шепчу я: «Все как у людей...»
И пою: «Господа офицеры...»

Осторожно проклюнулся день
В оперенье полярных сияний,
И отхлынула к полюсу тень,
Обнажив ледниковые грани.

Мир еще не оттаял, и свет
Заскользил по безжизненным рекам,
Словно эхо с далеких планет,
Что состарились без человека.

Не колышутся впавшие в сон
Водопадов крутые ступени.
Но уже потеплел горизонт —
Мой предел и дорог, и стремлений.

Конец походу – рюмки всклень полны.
В квартирах наших – жены, а не вдовы.
Вернулись все – ни мертвых, ни больных!
И флаг трепещет, и скрипят швартовы.

Зачеркивали дни в календаре —
И жизнь быстрее летела, чем в романе.
Нас берегла любовь: на корабле
Кружились тени из воспоминаний.

Святое дело – выпить «двести грамм».
Приправив парой боцманских историй.
Мы пили за любовь, за милых дам.
И только после тост: «За тех, кто в море!»

Задыхаюсь воздухом сырым —
Затянуло небо туч коростой.
Был у белых полуостров Крым,
Нам достался Кольский полуостров.

Нас теснят лишайником и льдом.
Моряки на суше – пешеходы.
На Москву с боями не пойдем —
Негде швартовать атомоходы.

Медь оркестров плачет – не поет! —
Тонут в Бахе выставшие скалы.
Медленно вмерзаем в ложь и в лед,
Оставляя семьи и причалы.

Владимиру Масыгину

«Мир! Дружба! А войну долой из моды!
Конверсия – все плавить и взрывать.
Вокруг России – братские народы,
Зачем торпеды – не с кем воевать!»
Ломали нам, как белым птицам, крылья.
Пускали наши принципы в расход.
А мы сливали спирт с торпед и пили,
Водой разбавив, за погибший флот.

«Зачем стране моря и океаны?
У нас континентальная страна!» —
Политики болтали неустанно,
А мы хватили горюшка сполна.
И штурманские карты слоем пыли
Покрылись – лыко в черную строку.
Но мы, сливая спирт с компасов, пили,
Чтоб выбрать верный курс на берегу.

Продали солярку. Нет бензина.
В ржавчине надстройка. Винт в песке.
Адмирал скупает магазины.
Он пахан в военном городке.

Офицеры пьяно горбят спины.
Втоптан в грязь, как тряпка, флотский флаг.
Адмирал, скупивший магазины,
Топит флот страшней, чем внешний враг.

Я список кораблей прочел до середины...
О. Мандельштам

Указ или приказ – как вражеский фугас:
Уходит флот ржаветь на мели и в глубины.
Я список кораблей прочел десяток раз,
А раньше я не мог прочесть до середины.

Останки кораблей – вдоль русских берегов,
Но сраму ни они, ни моряки не имеют.
Все тайные враги... а явных нет врагов,
И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.

Заморские моря грустят без наших рей,
Но флаги на морях не нашего пошива.
О, флотские сыны, романтики морей!
Здесь движет не любовь, а зависть и нажива.

Умирал великий флот Союза —
Флаги со звездой срывал приказ.
Скатывались якоря из клюзов,
Словно слезы из ослепших глаз.

Уходили с палуб офицеры
На причалы как на эшафот.
И надежды рушились, и нервы
Рвались. Погибал без боя флот.

Выбросили – и на барахолку,
И в металлолом, и под волну...
Умирал великий флот, поскольку
Был не в силах пережить страну.

Константину Мунтяну

Мы научились умирать достойно,
Но из беды не извлекли урок.
Мою подлодку, как на скотобойню,
Ведут утилизировать в плавдок.

Она б еще народу послужила,
Ведь до сих пор ее боялся враг.
Но тянут кабеля, как будто жилы.
Распущен экипаж и спущен флаг.

Оркестра нет. В трюмах ржавеют трубы
Систем, но не сыграть на них аврал.
Торпеды, словно выбитые зубы,
Отвезены в подземный арсенал.

Она перед врагами виновата —
Что не дала страну отправить в плен.
Как блюда на обед, разделана для НАТО,
Чтоб не поднялся русский флот с колен.

Наш корабль

Россия, не зная курса,
Плывет себе наугад.
Как первый отсек от «Курска»,
Оторван Калининград.

Не просвещен, не обучен
Вовремя наш экипаж.
И по борьбе за живучесть
Не проведен инструктаж.

Гибнем в подъездах и штреках —
Страшен кровавый след.
Но «Осмотреться в отсеках!»
Сверху команды нет.

Взрывчатка, ножи и пули —
Топит Россию братва.
Словно винты, погнулись
Курильские острова.

Экипажам атомоходов, погибшим в океане

Акустик различает голоса
Архангелов, а не семей китовых.
Из глубины всплываем в Небеса, —
Апостол Петр готов принять швартовы.

Достоинство и Веру берегли,
А к Господу вели морские мили.
У нас горизонтальные рули
Похожи на расправленные крылья.

Качаемся, как будто на весах,
На облаках – в цене весомость слова.
Наш экипаж зачислят в Небесах
В эскадру адмирала Ушакова.

Нет, кроме нас, в отсеках ни души.
Над перископом белый ангел вьется.
В раю мы будем Родине служить
Под вымпелом святого флотоводца!

В шинели зрелость встала на пороге.
Приказ подписан: бросить якоря.
Что видел я? Учебные тревоги.
Казармы. Полигоны. И моря.

Неоспорима флотская наука.
Течет походных дней калейдоскоп:
Циклон – в отверстие рубочного люка,
Полярное сиянье – в перископ.

Таинственна глубин нейтральных темень:
Немало в ней находок и утрат.
Что видел – разберусь! Судьбу и время
Мне высветил кремлевский циферблат.

С Севера вынырнув, словно из проруби,
Жадно дышу Ленинградом.
Мысли порхают, как дикие голуби,
В стае с густым листопадом.

Трудно года мои плыли и ехали
Сквозь ледниковые мили.
В лиственном небе, изрытом прорехами,
Солнечно светятся шпили.

Все позабудется, все перемелется —
Жизни жестокий закон.
Дышится легче и в лучшее верится
Возле Ростральных колонн.

Флаг

Грузен крейсер на рейде.
Полумрак.

Лишь заря багровеет на рее.
Спущен флаг.

Нет! Не думайте, мы не сдались.
Ночь – не враг.
Как свинец, сны в затылки влились.
Свернут флаг.

Свет зарниц – свет сигнальных ракет.
Жди атак.
Маскируются войны в рассвет.
Поднят флаг!

Юрию Курганскому

Снится сон: мучительно и странно
Видеть заполярную весну.
С аварийным дифферентом на нос
Мой корабль уходит в глубину.

Океан раскачивают ветры.
Айсберг отражает лунный свет.
Глубина – четыре километра.
Дно – гранит. На всплыть шансов нет.

Просыпаюсь. Сердцу беспокойно.
Не спасет от бед уют квартир.
В полигонах вызревают войны.
Скоротечна жизнь. И зыбок мир.

II

1955 год

Я родился,
когда еще пепел войны не остыл.
Дети в роще играли
немецкой простреленной каской.
В пол, как в колокол, бил скорбно
старый костыль —
Инвалид шел в худой гимнастерке
солдатской.
Улыбались на стенах
слегка пожелтевшие фото
Непришедших солдат —
между хмурых икон.
Пьяно вскрикивал в чайной:
«В атаку, пехота!»
Одноногий печник,
вспоминая штрафной батальон.
В почерневшей избе
хрипло хлопали шкафчика дверцы,
В ней старуха жила,
пыль сметая с военных картин.
И позднее я понял

ранимым мальчишеским сердцем,
Почему в деревнях
больше женщин и меньше мужчин.

Отцу

Из калитки ты шагнул в войну
С легкой котомкой за плечами.
И, как предки к правде в старину,
Шел по ней и днями, и ночами.

В поисках всемирной тишины
Укрощал безжалостные доты.
И в Берлине вышел из войны
Через Бранденбургские ворота.

В День Победы

«Танки прут... Их пуля не берет...
Взвод в земле... В живых лишь я, сынок!
Оставляю Сорок первый год,
По России пятясь на восток».

Он заплакал... Распахнул окно...
Прохрипел, садясь на табурет:
«Помни – поражение одно
Не забыть и после ста побед!»

Отступленья, пепел, плач сирот
От отца ко мне приходят в сны.
Поминаю Сорок первый год,
В семьи не вернувшийся с войны.

Возвращение

Он в хату вошел невесел.
– За душу молились?.. Ждали?..
И рядом с иконой повесил
На стену свои медали.

Друзей поминал. И плакал,
Казалось, что мир нереален.
И грозно смотрел из мрака
С медалей Иосиф Сталин.

Сорок первый год

Сорок первый, хмурый и уставший,
В окруженье раненым попавший...
Сорок первый, без вести пропавший,

Мертвых в спешке не похоронивший,
Под Москвой врага остановивший,

Ты несешь и горестно, и свято
Имя неизвестного солдата.

Неизвестный солдат. Мы покойных
забываем... Они помнят нас!
Справедливы солдатские войны,
если выполнен точно приказ.

Всех погибших помянем достойно,
на потомков потом поворчим.
Справедливы солдатские войны,
а о маршальских... мы помолчим.

Высота

Разбитый дот. Осколочный металл.
Война давно ржавеет в катакомбах.
Вслепую здесь похоронил обвал
В корнях берез не взорванную бомбу.

А соловьи поют. Земля в цвету.
Среди травы разбросаны ромашки.
Березы атакуют высоту,
Как моряки в разорванных тельняшках.

Опустели, как в дождь, бельевые веревки —
Нищета. Мы у века живем на краю.
Петербургу не выплакать слез Пискаревки
И не снять ленинградской блокады петлю.

Прячем взгляды в себя, сторонимся друг друга;
Как в тугом кошельке, в сердце носим вину
Перед теми, кто умер. Мы загнаны в угол.
Шулера – словно карты – тасуют страну.

Ветеран

Твой ракетный крейсер на флоте
Называли гордо «Варяг».
И хранится – свято! – в комод
Корабельный гвардейский флаг.

Ты Евангелием от Матфея
Зачитался – вокруг нищета.
А над якорем багровеет
На кокарде – раной! – звезда.

Все осмеяно или оболгано
Телящиком – метод не нов.
Весел внук комиссара Когана
Юморист Абрам Иванов.

Нет здоровья и нет заботы
Государства... Но ты молчишь!
Отбрали скупые льготы —
В болтовню упакован шиш.

Потерялась на жизнь надежда —
У властей винегрет в голове.
Ты умрешь под забором коттеджа,
Собирая бутылки в траве.

Проститутка в прозрачной блузке
Усмехнется: «Старик был глуп».
И охранник «нового русского»
Закопает на свалке труп.

Играли, дрались, разбирали ворота,
Чтоб строить плоты. Жгли костры на реке.
Мой первый учитель командовал ротой
В штрафном батальоне на Курской дуге.

Он был скуп на ласку. Жил в школьной квартире.
Он верил, что нужен Советской стране.
Как русский апостол, в парадном мундире
Верховный висел у него на стене.

Тянуло войною из-за горизонта,
Но люди устали от прежней войны.
Мы дети солдат, возвратившихся с фронта,
Мы поздние дети Великой страны.

Идеи, иллюзии... Пьяный наместник
Нас предал. Теперь все друг другу – враги.
Забыты страну победные песни.
Учитель в могиле. А мы – штрафники.

Униженный неряшливым юнцом,
Молчит и о войне, и о победе.
Как рашпилем, морщинистым лицом
Старик шлифует прошлое в беседе.

Хотя был ранен, не просился в тыл.
Он воевал, чтоб жил народ счастливо.
Но обвинен за то, что победил,
Он внуком, пившим гамбургское пиво.

Мы на суде Истории – истцы:
Злом за добро не ожидали платы.
В учебниках советские бойцы
Для внуков – неизвестные солдаты.

Дома взрывались. Рожь в полях горела.
Накрыло похоронками страну.
Из черных репродукторов-тарелок
Народ хлебал соленую войну.

Качались бомбовозы, словно клецки!
Война плыла над крышами жилищ.
Соленая от вдовьих и сиротских
Слез. Черная от мертвых пепелищ.

Смешалось все: бесчисленные беды,
Герои, оклеветанный Главком.
Войну не расхлебать! Она победой
Окончилась, оставив в горле ком.

Доты

Чутко у воды дремали доты:
Ни взорвать, ни обойти тропой.
Но во тьме отряд морской пехоты
Здесь на берег выплеснул прибой.

В пляс пускались на скуластых сопках
Вихрь огня и вихрь матросских лент.
И глубины бережно и робко
Принимали траурный брезент.

На рассвете в дымке позолоты
Корабли ушли от берегов.
Пустотой глазниц чернели доты,
Словно черепа былых врагов.

По брусчатке европейской гулко
Топали под крестопад наград.
В Петербург шли, словно на прогулку,
Но разбили лбы о Ленинград.

У Невы наткнулись на преграду:
Если враг у стен – народ един.
Русский город выдержал блокаду,
Но ее не выдержал Берлин!

Инвалид

Рассыплет молнии гроза —
И волны заблестят.
Он столько видел, что глаза
На небо не глядят.

Идет безмолвно на причал
И палочкой стучит.
Он столько на войне кричал,
Что до сих пор молчит.

Серп затупился и покой обрел,
На свалке жизни молот запылится.
Двуглавый инкубаторский орел
Взлетать из темноты не научился.

Но вспыхнет свет, небесный и земной,
Срастется мир, что бесами расколот.
Взлетев над православною страной,
Орел в когтях поднимет серп и молот.

«Не плачь, мать, не убьют,
А немца мы осилим.
Побереги коня —
Война не на века», —
И дед мой, кирасир,
Встает за честь России
Под знамя
Лейб-гвардейского полка.

Он весел и красив.
Собой вполне доволен.
Еще не видел кровь
И не копал могил.
...Но с Первой мировой
Вернулся, хмур и болен,
Как будто целый мир
За год похоронил.

Два фото:
До войны с друзьями дед
И после —
Один,
Он с костылем, как тысячи калек.
Конь сдох.
И не родит уже, как прежде, поле.

Война не на века.

Но год войны – как век.

Сен-Женевьев-де-Буа.
Рощи осенней покров.
Крест. Золотятся слова
В камне: «Полковник Орлов...»

Жертва гражданской войне —
Смерть на чужбине. Беда.
Кем же приходится мне
Он? Не узнать никогда.

И офицер, и солдат.
От малярии и ран...
Сколько Орловых лежат
В землях неведомых стран?!

Церковка. Купола медь.
Тлеет свеча в полумгле.
Господи! Дай помереть
Русским на русской земле.

История в фотографиях

На стенах – блики желтых фотографий.
Друзья и предки. Взгляд со стороны.
В своей избе, как будто в батискафе,
Я погружаюсь в прошлое страны.

Меня овеет ветром вечной славы
Из-под стекла, где дремлет русский мир.
...На аргамаке дед гарцует браво —
Он рвется в бой. Гвардеец-кирасир.

Во имя веры и святого трона
Готов погибнуть. Пристальной смотри —
Герой войны... но пятая колонна
Россию расколола изнутри.

...Тяжелый дым повис над Сталинградом.
Долг воина превыше «высших мер».
И смотрит из огня спокойным взглядом
Отец – двадцатилетний офицер.

Он победил. Но стали вне закона
Фронтовики – виновны без вины,
Их предали... И пятая колонна
Глумится над историей страны.

Скользит слеза. Сдавило горло горем.
Повымерла почти что вся родня.
Друзья погибли в Баренцевом море —
Они с укором смотрят на меня.

Враги нас окружают. И вороны
Над селами кружат. Ослеп народ.
«Вставай, страна...» Но пятая колонна
Уничтожает армию и флот.

Душа болит. Довольно спать! Довольно!
Нам защищать духовный Сталинград!
Избу покину. И на колокольню
Я поднимусь – и загремит набат!

Широка моя страна, широка...
Строят в ней всегда и все на века.
Да и рушат в ней все сразу и вмиг,
Тот ничтожен, кто вчера был велик.
За глаза твердят не то, что в глаза.
Нет людей, вокруг одни голоса:
– Эй! В ружье! На границе – война!
– На хрена нам такая страна!
– Всем пора в военкоматы спешить!
– Безопасней воровать, чем служить!
– Смело мы в бой пойдем!
– Вы служите, мы вас подождем!
– Мы в бою за Отчизну умрем!
– Вы воюйте, мы вас оберем...
Вся страна – и голоса, и леса —
Как нейтральная лежит полоса.
Вся пристреляна на звук и на свет.
Вроде есть в ней жизнь, а вроде – и нет.
Широка моя страна, широка...
Нет народа – улетел в облака.

Бог попустил: брат предал брата,
Решив, что честный труд – изъян.
Я был свидетелем заката
Страны рабочих и крестьян.

Опустошались пьедесталы
И души... Разум слеп и глух,
Заводы ржавчина съедала,
В плен брал поля чертополох.

В глазах детей струится холод,
Забыты деды и отцы.
В металлоломе – серп и молот,
У звезд обломаны концы.

Когда впадает память в Лету,
Нет у людей иной судьбы:
Уйдя от Божьего завета,
Все – господа... и все – рабы.

Наш паровоз, вперед лети!..
Из песни

Наш паровоз летел...
В расход пускали робких.
Еще один рывок!
Еще один прыжок!
И нацию сожгли,
как будто уголь в топке,
Чтоб жить при коммунизме
хорошо.

Наш паровоз летел вперед...
Под перегрузки
Пар выходил в гудок.
И в пламени знамен —
Ах! — как же он горел,
народ великий русский,
Во благо всех других
народов и племен.

«Вперед, вперед лети!» —
у нас сердца из стали.
Интернационал в Кремле —
оваций гром.

И паровоз летел...
Но шпалы разобрали
На полустанке,
рельсы сдав в металлолом.

Кара

С небес текла кровавая заря
В распахнутые двери и могилы.
Толпа рабов, предавшая царя,
Точила для неправой бойни вилы.

Ломала государство сгоряча,
Ей было в нем удушливо и тесно.
И знамя, как рубаха палача,
Краснело на ветру над лобным местом.

Вздувались ноздри, вздергивалась бровь.
Страх подворотен. Самосуды улиц.
А те, на ком вина – невинных кровь,
В своей крови у стенки захлебнулись.

Вождь гипсовой руки не опустил,
Стоит спиною к паперти бессменно.
Жить все трудней, а выживать нет сил,
Утрачено стремленье к переменам.

Сказал: пойдём дорогою другой.
Шли деды, шли отцы. Устали внуки!
Но вождь стоит с протянутой рукой...
И нищие протягивают руки.

Паром сновал от берега до берега
Вдоль лодок, отдохавших на приколе.
А я на кляче догонял Америку,
Спеша к парому кукурузным полем.

Я был мальцом, а не козырной картою —
Судьба еще не была, не крутила.
И шло в зенит над сталинской Спартою
В Кремле лысоголовое светило.

Жизнь пронеслась. Сижу устало в скверике.
Страна тасует и вождей, и лица.
Но до сих пор от берега до берега
Болтаемся и не к чему прибиться.

Мир расфасован в телящики,
Через антенны по домам
Разослан. Мы его заказчики.
Мир в подсознание вводят нам.

Наш «телек» – лучшее снотворное:
Ну что за сон без новостей!
У нас дома – дома игорные,
В них власть искусственных страстей.

Нас телебашня телехоботом
Ведет с работы по домам.
Мы даже думаем, как роботы:
Код жизни – код телепрограмм.

Я не топил котят
И не стрелял в зверей.
А все-таки не свят
И мог бы стать добрей.

Я брал под козырек,
Но потерял страну.
От бед не уберег
Я женщину одну.

И пощадил врага,
А другу не помог.
А главная строка —
Среди неглавных строк.

Мы смотрим на мир сквозь фальшивую призму
Чужих интересов и чуждых идей.
Пошли к коммунизму – пришли к дарвинизму,
В пути из людей превратившись в зверей.

Мы крылья теряем... По жизни ужами
Ползем, обретая звериную плоть.
Идеи над миром встают миражами,
Сбивая с пути, что возвысил Господь.

В стране вражде и распрям нет границ.
Ничтожен человек. В душе – постылость.
Но если не гублю зверей и птиц,
То жизнь моя, наверно, получилась.

Себе о светлом будущем не лгу:
Погибну не у стенки, так в кювете.
Но если нищим подавать могу,
То, значит, стоит жить на белом свете.

Крыша есть, но нет надежных стен,
Люди беззащитны и порочны.
«Чтоб вам жить в эпоху перемен!» —
Недругам грозил мудрец восточный.

Правды нет. Вершат неправый суд
И в избе, и в сакле, и в яранге.
Перемены людям зло несут —
Над страную реет падший ангел.

Огнеопасен человек,
Но глуп и не сгораем.
Как дом, возводим каждый век
И в нем с огнем играем.

Планета в пепле и в пыли.
Безумье бьет по нервам.
Двадцатый век дотла сожгли,
Ночуем в двадцать первом.

Стали стадными и стайными,
Славим хищное родство.
И коммерческими тайнами
Прикрываем воровство.

Добродетели низложены,
Кто подлей, тот и умней.
Коммерсанты в куртках кожаных —
Комиссары наших дней.

*Отними у меня Россию —
Что останется у меня?*

Виктор Смирнов

Ты пришел нас грабить, подлый тать?
Будешь проклят, а не вписан в святцы.
У меня Россию не отнять —
Я не раб, чтоб без нее остаться.

Не на кого злиться и пенять:
Наши судьи – предки и потомки.
У меня Россию не отнять —
Велика... не сухари в котомке!

Я на вспышки злобы и огня
В бой пойду, чтоб с недругом сразиться.
У меня Россию не отнять
Потому, что я – ее частица!

Через чуждые людям реформы
Мы прошли, словно через войну,
По утратам зависили нормы:
Потеряли народ и страну.

Если вырвется память на волю,
Чтоб летать и назад, и вперед,
Отзовутся фантомною болью
И Союз, и советский народ.

Красны полотнища знамен —
Кровавая заря.
Отрекся царь. Но раньше он
Отрекся от царя.

Белогвардеец... А когда
Перехитрил судьбу,
От пули красная звезда
Зажглась на белом лбу.

Распад

У каждого своя страна.
У каждого своя война.
Чеченская, афганская,
Отечественная, гражданская...
У каждого своя вина
И доля арестантская.

В крови бредем к придуманным кумирам
И праведных возводим на костер.
Не самый лучший управляет миром,
А тот, кто изворотлив и хитер.

Не молимся, а ползаем на пузе
Среди дегенератов и невежд.
Политики – создатели иллюзий,
Политика – крушение надежд.

У каждого своя страна.
У каждого своя война.
У каждого своя вина.
Упав на дно,
Не видим дна.

Майдан

Изменился мир. Страшно и странно.
Натыкается взгляд на углы.
А незрячие жертвы обмана
Пляшут возле костров, как козлы.

Нет страны. Дым ползет по экранам.
Телевести – сплошной бурелом.
Украина накрылась майданом —
Медный таз сдали в металлолом.

Поступь фашизма

Поле выжжено. Ветер в золе и в пыли.

Бродят смерчи, как души. Разрушено лето.

Сбили «Боинг» – вот так же Рейхстаг подожгли! —

И коричневой стала планета.

Белеет парус одинокий...

М. Ю. Лермонтов

Океан к небосводу прирос,
Галька в пене блестит, как стеклярус.
Белый парус и черный матрос,
Но вдали различим только парус.

Вышло солнце. И ветер утих.
Миражи навевают прохлада.
Ослепляют идеи... Но их
Нам приносят посланники ада.

Льву Беленцову

Мне захотелось погостить в застое,
Где все доступно, все копейки стоит.
Побаловать себя пивком с таранькой
В столовой, вспомнив скромный общепит.
Попариться в обычной русской баньке
И самогон в предбаннике попить.

Тебя там и накормят, и согреют,
А здесь легко обуют и нагреют.
Там человеку человек – товарищ,
А здесь же с олигархом суп не сварить.
Мне захотелось погостить в застое...
Да вот не знаю, сколько это стоит!

Романтики 1960-х,
вас не косили огонь и глад.
Благими намерениями вы, патлатые,
мостили дорогу в ад.

Вас чекисты не вырывали из постелей
И в штрафные батальоны не посылали вас.
Но вы пилили сук, на котором сидели,
и кусали грудь, что кормила всласть.

Вы предавали идеи отцов и дедов,
а над прадедами глумились, в храмах танцуя шейк.
Вы обесценили кровь Великой Победы,
Но кровью залили Россию, завершая век.

Вы, как собаки в блохах, в иудиных наградах.
Вымирает народ, попавший в петли ваших следов.
Романтики 1960-х,
вы превратились в палачей 1990-х годов.

Жили в хижинах, вползали во дворцы,
Отрекались от отцов страстям в угоду.
Либералы – мародеры и лжецы
Измывались над потерянным народом.

Шеи гнули, а теперь и спины гнут.
Ах, как мягко, ложь, дорогу стелешь.
Кнут и пряник. Но сперва неправый кнут.
Пряник мал – на всех по-божьи не разделишь.

Лишенные и голоса, и крова,
Мы утонули в ненависти лютой.
В стране свобода слова... но такого,
Которое оплачено валютой.

Калеки, старики, сироты, вдовы
Унижены – на бездуховность мода.
В стране свобода слова... но такого,
В котором похоронена свобода.

Аномальная провинция

Здесь все бесправны,
как зэка
на зоне...

Аномальная зона.
Здесь мнение
местного князька
сильней
российского закона.

Ломает взгляд
на мир земной
князек,
как луч
ломает призма.
Повис над замершей страной
смог
либерал-феодализма.

Беспредел. Висит на волоске
Жизнь.
Душа болит острее, чем рана.
Мир сошелся на дверном глазке.
Как в тюрьме – решетки и охрана.

Не сплошная линия – пунктир
В наших судьбах: бег и остановки.
А в дверном глазке враждебен мир,
Как в прицеле снайперской винтовки.

И жизнь не в жизнь.
Ее уклад разрушен.
А смысл существования нелеп:
Мы незаметно губим
наши души
В борьбе за хлеб насущный...
горек хлеб!

Теряем веру —
обострились грани
Проблем.
Не замечаем свет в окне.
Мы гибнем на войне
за выживание —
Гражданской
необъявленной войне.

От темноты сойдешь с ума,
Сон тяжелей наркоза.
Крадется черная зима
Без снега и мороза.

Дверной глазок. Недобрый взгляд.
Чужие силуэты.
И, как фонарики, горят
В подъезде сигареты.

И черен день. И ночь черна.
И чернота не гаснет.
На мир тревожней из окна
Смотреть... но безопасней.

Не предавал Христа. И брата
Не убивал. Не мел хвостом...
Мне в глотку – кляп, мне в уши – вата.
За что? Творец грозил перстом?..

Смирен – в молитве, буен – в драке.
За все, чем жил, предъявлен счет.
Мой стих пылает, словно факел:
Услышишь – душу обожжет.

Превращают честный люд
В обезличенное стадо.
Не дают, а продают
Роли, должности, награды.

Не протест – базарный шум,
Грязь и мусор – нужен веник.
Был в чести властитель дум.
А теперь – владелец денег.

Николаю Рачкову

Холодные тучи. Теней табуны
От тундры бегут до степей.
Россия заходит, как солнце. Темны
Печальные лица людей.

Мы плачем. Лихие клянем времена.
Сердца превращаются в лед.
Россия заходит на запад. Она
Светло на востоке взойдет.

Случайно взял билет. Случайно встречен
в купе соседом. Вспыхнул семафор.
Случайный перекур. Случайный вечер.
Случайный чай. Случайный разговор.

Случайность расползается, как скверна,
и превращает вольного в раба.
Случайно все... Хотя закономерна
Творцом определенная судьба.

Подтяжки на спине моей невзрачной
крест-накрест, как плакат «...ушли на фронт!».
Когда-нибудь я сделаюсь прозрачным,
оставив за спиною горизонт.

Ни важных виз, ни штампов в документах
за горизонтом нет. Лишь свет и грусть.
Я сделаюсь прозрачным и в легендах,
как в зеркалах, бесплотно отражусь.

Я уезжаю... И туманы в клочья
рвет поезд. Возвращаюсь в благодать.
В окно купе смеюсь над тем, кто хочет
меня, как трудный ребус, разгадать.

Мы статуи без племени,
Нас ложью обожгло.
Мы слеплены из времени,
Которое прошло.

А время было славное —
Не суп из топора.
И лепкою державною
Грешили мастера.

Свершилось дело правое —
По формам гипс разлит.
Но в скульпторы лукавые
Пролез космополит.

...Под вылинявшей кожей —
Продажных истин след.
Все статуи – похожие:
Ни лиц, ни жизни нет.

Монолог в смутное время

Я устал от людей... я устал
Падать в чьи-то глаза, словно в лужи.
Я не памятник. И пьедестал
Мне не нужен.

Ветер сплетен, как снегу, надул...
И за плечи нахально облапал.
Дайте сесть... Нет, не в кресло. На стул
Или на пол.

Кто-то дышит в затылок, толкает в кювет.
Жизнь – игра в догонялки и в прятки.
Бьют за то, что родился на свет...
Я встаю. Все в порядке!

III

Не из тех я, кто падает в пропасть
безрассудно – за риск мой прости!
Кто-то должен шагнуть из окопа
первым, чтоб за собой повести.

А в атаку идти – нужен опыт.
Риск и смелость не станут виной.
И того, кто шагнет из окопа
первым, смерть обойдет стороной.

Воинам-интернационалистам

Куба, Конго, Египет, Чили...
Долгу чести мы были верны.
А с врагом воевать учились
Вдалеке от своей страны.

От Испании до Афгана
Мы вкусили беду и вину.
И в чужих воевали странах,
Чтоб в свою не пустить войну

Пламя, взрывы, погибших лица...
Наша память страшней суда.
Но война ломала границы,
Словно дамбы в бурю – вода.

Дым пожарищ и пыл развалин.
Скорбный залп. Медсанбата кровать.
Мы теперь у себя воевали,
Научившись вдали воевать.

Битва

Иеромонаху Александру (Фауту)

1.

Казалось все... Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
«Здесь русские?» – меня спросил
И встал на правом фланге.

И по земле, и по воде
Лежит путь к русской славе.
Я знаю: никогда в беде
Спаситель не оставит.

2.

Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.

Озарились и храм, и скит.
Сила духа – небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

Если ты и праведен, и страстен,
Значит, в жертву сам себя готовь.
Людам даст Господь свободу власти —
И они прольют чужую кровь.

За добро добром не стало платы.
Не ищи ни славы, ни наград,
Не сердись на Понтия Пилата:
Понтий – настоящий демократ.

Колючей проволоки струны,
натянутые между вышек,
поют при свете зимнем, лунном
о том, что к нам приходит свыше.

А карабины, как фаготы,
под вой пурги опасно слушать.
Колючки проволоки – ноты! —
вонзаются до боли в душу.

И не убавить, не прибавить
ни дня, что дал Господь, ни ночи.
Не алфавит сегодня в славе,
а звезд немое многоточье.

И неестественно, и хрупко
все: и бараки, и березки.
Застыли в белых полушубках
на мерзлых вышках отморозки.

Не прикурить «бычок» без спичек —
карманы вытрясла охрана.
А мир – возвышен и трагичен,
как будто музыка органа.

К бессмертью себя не готовь —
Откроются вовремя двери.
Бог милостив, словно любовь,
А в нас умирает безверье.

Ты видел ли жизнь без прикрас,
Когда душу мучили черти.
Бог вечен, он в каждом из нас —
Ему помолись перед смертью.

Сквер с утра был печален и желт,
А потом побелела ограда.
Если дождь быстро городом шел,
То снежок с неба медленно падал.

Вот и кончилась осень почти,
Вспыхнул день и погас, как лампада.
Так и в жизни бывает: идти
Быстро легче, чем медленно падать.

Листопад планирует во рвы,
Ветер – и надсмотрщик, и погонщик.
Самородки золотой листвы
Намывает дождь в осенней роще.

На реке и в поле – пустота,
На приколе и скирда, и катер.
Отречение ветки от листа.
В октябре дождь – золотоискатель.

Сонная роща. Мороз.
Стынет в снегу бересклет.
Словно из сопел, из звезд
В ночь вырывается свет.

Кто мы? И где колыбель
Наша? Истоки – во мгле.
Снегом укрыла метель
Наши следы на земле.

Пеплом сугробы легли
Возле кладбищенских плит.
Как с космодрома, с земли
Небо уходит в зенит.

Не разгадать до конца
Черного неба секрет.
Испепеляет сердца
Звезд улетающих свет.

Подлунный мир таким, как есть, приемлю,
Холодный тусклый свет слепит глаза.
Упало небо снежное на землю
И облепило доли и леса.

Сквозняк из-за порога студит спину.
Бессонница. Не греет легкий плед.
На улице безлюдно и пустынно,
Сквозь стекла окон льется лунный свет.

И снег, и свет посеребрил ступени
Крыльца. У клена крона набекрень.
Дрожат на стенах призрачные тени —
Я незаметно превращаюсь в тень.

Луна блестит сквозь тучу, как лампада.
И на земле – снег, и на небе – снег.
И кажется, что после снегопада
Я не земной, а лунный человек.

Хотя топор мой был остер
И выверен прицел двустволки,
Я ветками кормил костер,
Чтобы меня не съели волки.

Рубил сушняк. Мою ладонь
Мозоли жгли, как пчелы в улье.
Но для волков страшней огонь,
Чем лезвие и пуля.

Инвалид, полоумный калека,
Превращает доносы в дела.
Жизнь ваяла в нем тип человека,
Но работа была тяжела.

А другой – криворожий в берете
Бесовством развращает детей.
В наше смутное время на свете
Развелось много разных чертей.

Зверочеловеки. Им ко сну
В ночь не отойти – за алчность плата.
На телеэкран, как на луну,
Воют, воспевая мглу разврата.

Расползаясь по квартирам, мгла
Губит неокрепнувшие души.
И торчат локаторами зла
Из затылков жирных волчьи уши.

Воровать привыкли и делить
Наше, превращать дворец в берлогу.
Могут ближе к храму склеп купить,
Но не купят место ближе к Богу.

*Подводникам, осуществлявшим первые пуски
баллистических ракет из-под льдов*

Мы шлем привет от Северного полюса
Ракетой на камчатский полигон.
Драконом извиваясь, мчатся полосы
Полярного сияния вдогон.

По радиоволнам плывет истерика —
Неистовствуют вражьи голоса.
Прорублено во льду окно в Америку,
Ракета подминает небеса.

Плетемся к кресту от звезды,
Плутая во мраке крошечном.
Все меньше под небом святых,
А больше порочных и грешных.

Устали не жить, а играть,
Фальшивых ораторов слушать.
За истину легче отдать
Святую, чем грешную душу.

Весть придет не письмом в конверте,
А впорхнет ветерком в окно.
Никому не желайте смерти —
Вам людей воскрешать не дано.

Бог един. Не найти иноверцев
Там, где правят любовь и честь.
Слов не надо. От сердца к сердцу
Прилетает благая весть.

В живую плоть стреляют, а не в блюда,
Ныряют в джунгли низменных страстей.
Во времена реформ и революций
Бог отнимает разум у людей.

Не оглядеться и не оглянуться —
Мир словно дом без окон и дверей.
А люди, от реформ и революций
Озlobясь, превращаются в зверей.

Глаза в глаза. К чему слова?!
Мысль высветят зрачки.
По тополям бежит листва,
Нырря в сквозняки.

Зачем бессмысленно спешить,
Не слыша соловья?!
Уж лучше, умирая, жить,
Чем умирать, живя.

Расскажи мне, что такое – старость.
Старость – стать, рассудочность, усталость.

Но костлява стать и слаб рассудок.
Устаем от маршей и побудок.

Старость – детство то, что задержалось,
И к себе отчаянная жалость.

Старость – то, в чем каяться осталось,
То, о чем – уж точно! – не мечталось.

Расскажи мне, что такое – старость:
Время, что – не жить – дожить осталось!

Рассвет. Предзимье. Тяжесть сна.
Безмолвие в беседках.
Блестит холодная луна.
Листва звенит на ветках.

Дымы из труб летят в зенит —
Жди стужу по приметам.
И даже слышно, как звенит
Бубенчиком планета.

С. М.

Ходит мертвый человек,
толстопузый, краснорожий,
с черствым сердцем,
с толстой кожей...

То абрек, то имярек.
Ходит мертвый человек
вдоль домов, что, как могилы,
холодны. Воротит рыло —

не еврей и не узбек.
И не русский... Просто мертвый.
Кровь чужую из аорты
пьет.
И сплетню на закуску

жадно гложет, словно кость.
Этот мертвый – страшный гость.
И родную мать продаст,
и не пожалеет брата.

Смерть при жизни – вот расплата.
А от смерти нет лекарств.

Но, случается, проснется —

Злу, что сделал, ужаснется.

На секунду оживет —

и опять в себе умрет.

Ходит мертвый человек...

Весна исследует пруды,
Разбив на глыбы плиты —
окаменелости воды
Эпохи декабрита.
А декабрит в себя вобрал
листву, окурки, банки.
Осколки жизней, как зеркал,
мерцают сквозь изнанку
льдин. Наши зимние следы —
свиданий отложения.
Земной круговорот воды
их приведет в движенье.
Сквозь декабрит в апрелезой
путь превращений долог.
Приходит в гости смерть с косой,
как с кистью археолог.

Совестью грехи не побороть,
Если без молитвы жить – греша.
Управляет молодостью плоть,
Старостью – прозревшая душа.

Смертный и ничтожен, и велик
Не одновременно – в этом суть!
Плоть ведет в трясины и в тупик,
А душа находит верный путь.

Я родился в Советской империи —
Предо мной были настежь двери.
И в себя, и в страну свою верили
Потому, что мы жили в империи.

И плясали, и пели счастливо
Под советские наши мотивы.
Пред врагом не сгибали спины
Потому, что мы были едины.

...От страны прежней – пух да перья,
Но мечтаем опять об империи.

В империи жить спокойно.
В ней ветер по правилам дует.
Обходят империю войны,
И чернь меж собой не враждует.

Тверды, как базальт, законы,
Устойчиво все. И мнение —
Одно на страну. У трона
Толпится народ в смиренности.

Хватает еды и зрелищ
Для всех. И тепло, и сухо.
А если не дело мелешь —
Охранники с тонким слухом.

Хоть взятки берут, но в меру,
С почтением и опаской.
И кое-кого к расстрелу
Осудят другим в острастку.

Без денег живут достойно,
Но трудно прожить без блага.
В империи все спокойно:
Один в ней бандит – император!

На стул чужой не сяду
И не пойду в братву.
Я не меняю взгляды,
Как дерево – листву.

Хоромов нет на Юге.
Душой не бизнесмен,
Я не верчусь, как флюгер,
В эпоху перемен.

Смотрю на птиц с балкона,
Люблю сиянье гроз.
Живу по тем Законам,
Что дал Иисус Христос.

Терпкий осадок прощальных историй.
Парковый шум облетающих крон.
Осень штормит, словно желтое море,
Черною пеной качая ворон.

Горько время распада и тлена.
Тянется день, словно выжженный век.
В небе рассеется черная пена —
Ангелом белым опустится снег.

Костюм не отглажен и быт не налажен.
Угасла житейская прыть.
Жизнь так коротка, что не хочется даже
Романы тайком заводить.

Чужие проблемы – чужая поклажа.
Скудеют судьба и рука.
Жизнь так коротка, что не хочется даже
Забыть, что она коротка.

Скрипит замерзшая вода,
Блестит янтарь листвы.
Дожди стоят, как поезда,
У берегов Невы.

Вокзал печалей и простуд.
В подъездах стынет ночь.
Когда дожди весной пойдут,
Засобираюсь прочь.

У девчонки – улыбка, слеза —
У старухи. Взгляд бьет, словно кнут.
Зеркала режут правду в глаза
Людам в старости, в юности – лгут.

Вся в округлостях юность, в углах —
Старость, но под бедою не гнись!
Сохраняют секрет зеркала:
Ото лжи к правде – целая жизнь.

Дышат здесь, а там не дышат,
Вечность – там, а здесь – мгновенья.
Зеркала – гробы без крышек,
В них хоронят отраженья.

Отраженья взглядов, жестов...
Отраженья тайных слухов.
Исчезают и невеста,
И бесплотная старуха.

При любой земной погоде
Тишь и сумрак в их владеньях.
По ночам в квартирах бродят
Толпы зыбких отражений.

Обездолены и сиры,
Мы живем темно и просто.
Наши бранные квартиры
В зеркалах – для нас погосты.

Где ты, Русь моя ржаная? Где овсяная?
На репейном сквозняке – баба пьяная.

А мужик ее давно спит на кладбище.
Ни коровы, ни овцы нет на пастбище.

И трава вокруг избы – ой! – не кошена.
Позабыто все вокруг. Позаброшено!

Где ты, Русь моя льняная? Где гречишная?
Раскричались иноземцы, что ты лишняя.

Стал доверчивый народ сиротинушкой,
Но зовет меня сынком и кровинушкой.

Все растащено вокруг да распродано.
Где ты, родина моя? Здесь ты, Родина!

Уходит прочь за годом год,
Сжигая дни и ночи.
Мы все уйдем... И даже тот,
Кто уходить не хочет.

Мелеет глубь и гаснет высь.
Стирается булыжник.
А кто-то держится за жизнь,
Губя чужие жизни.

Он станет холоден и сед,
Как свет ночной звезды.
И он уйдет с земли, но вслед
Уйдут его следы.

Потяжелел октябрьский день —
Завалы на пути.
Я так устал, что даже тень
Мне тяжело нести.

Над лесом крики воронья.
Нелегко путь земной.
Хотя устал, но тень моя
Пока еще со мной.

Павшим в бою

Как тень, отбрасываем плоть,
Но души сберегли.
Эвакуирует Господь
На небеса с земли.

В траве кузнечики звенят.
И жизнь, и смерть – к лицу.
В лучах небесного огня
Легко лететь к Творцу.

Приближается рыжий
вечер – краткий визит.
Месяц сломанной лыжей
по сугробам скользит.

Убегает за речку,
за пригорки, за лес...
Там, закутавшись в вечность,
день короткий исчез.

Он унес наше детство
прочь по снежной меже.
Но остались в наследство
свет и радость в душе.

В зеркалах тени предков – соседи,
Нас на землю спускают с небес.
Конденсаторы тайн и трагедий —
Зеркала, что сверкают окрест.

Общий мир не делите на части,
Чтоб не резали жизнь грани зла.
К нам ворвутся чужие несчастья,
Если мы разобьем зеркала.

Летят снежинки с темной высоты
В застывшие леса сквозь белый воздух.
Чернеют, словно зимние цветы,
Среди густых ветвей вороны гнезда.

Зачем грустишь в своей квартире ты,
Когда покрылись окна снежной дрожью.
Зимой заметней черные цветы,
Палящие над белым бездорожьем.

Все впереди: и бездны звездных трасс,
И даже тупики идеи ложной.
Хотя пугает будущее нас,
Его исправить в настоящем можно.

Не надо камни в прошлое бросать,
Искать изъян и грех в чужом уставе.
Конечно, можно все переписать,
Но невозможно прошлое исправить.

Районный центр: река, сквер, автостанция.
Пустые сплетни и тоска в доме.
Мы вовсе не последняя инстанция —
Превыше Бог, прислушайтесь к нему!

Районный центр – моя страна в разрезе.
Здесь, как в Москве, и челядь, и князьки.
А в храм идти с больной душой полезней,
Чем в шумные хмельные кабаки.

Пью кофе. Разгадывать ребус
Устал. Просыпается дождь.
Над крышей – небритое небо,
Осины русалочья дрожь.

Дремлю. А дождю вот не спится.
Он бродит, как пес, под окном.
И чтоб в темноте раствориться,
Пью кофе в ночи перед сном.

В.С.

Любишь лаять тонко
Ты из-за угла.
Подлая душонка.
Подлые дела.

Раз возвел заборы —
Так под них ложись.
Чем длиннее споры,
Тем короче жизнь.

...А наша плоть – не более чем тара
для глупых сплетен и смешной молвы.
Мы вылупились из земного шара,
но души наши слабы и малы.

Потом они взрослеют незаметно
под лунным светом тайн и саламандр.
Я смерти не боюсь – душа бессмертна,
а тело – обновляемый скафандр.

Умрет село. И зарастет дорога.
Уйдет в трясины пахотная гладь.
Я в этой жизни знаю очень много
Того, чего хотелось бы не знать.

А мне твердят: все в мире позитивно,
Что совестью гордятся чернь и голь.
И так порой становится противно,
Что даже не спасает алкоголь.

Слишком много людей. Споров много.
Одиночеством я обделен.
И стрекочет молва, как сорока,
Что я вырос под шелест знамен.

Не мечтал о пути знаменитом,
Что венчает над кладбищем залп.
Никогда не хотел быть бандитом,
Но монахом, наверное, стал б.

Я искал тишины и смиренья.
Келья. Свечка. Молитва. Погост.
Смерть – мгновенье. Жизнь – тоже мгновенье.
И мгновенье – горение звезд.

Памяти С. Есенина

Река и речь текут по-русски,
А листопад впадает в дождь.
Ах, эти тромбовые сгустки
Осенних выплаканных роц!

Дня помраченья и разгула...
Сгорела в водке трын-трава.
Похмельный холод сводит скулы
И заползает в рукава.

Я устаю: вокруг потери
И волчий блеск в глазах детей.
Царит над миром право зверя,
Оно преследует людей.

Трепещет выставшее сердце
Листом осины на ветру.
Мы с октябрём единовёрцы,
Но вера здесь не ко двору.

Опасна вина без вина.
Но, сидя в траве под забором,
Не вычерпать душу до дна
Нетрезвым мужским разговором.

Глаголам сквозь зубы не течь,
Блистая хмельной позолотцей.
Дрожит неподъемная речь
Бадью в глубоком колодце.

Прозренье опасней вина,
Виновным оно – как засада.
Не вычерпать душу до дна...
А значит, и черпать не надо!

Февраль. Метелей нет. Мороз крепчает.
На синем небе – желтая луна.
Читаю книги. Согреваюсь чаем.
Не верится, что впереди – весна.

Свет предвечерний льется через окна
В мой дом – сияют в зеркале лучи.
Трещат деревья, и звенит дорога
Под окнами... Трещат дрова в печи.

Читаю книги – вслушиваюсь в речи
Далеких предков. Век впадает в век.
Мир Божий отразился в человеческом
Мирке – и засветился человек.

Луна в зените. Солнце на закате.
Синеет вечер около крыльца.
Ищу глазами в золотом окладе
Святого Духа, Сына и Отца.

Помню всех – и старше, и моложе —
Промелькнувших, как в коротком сне.
Никому и ничего не должен,
Ничего никто не должен мне.

Взгляд окаменел – слеза не брызнет.
Горблюсь и ступаю тяжело.
Расплатился собственной жизнью
Я за все, что было и прошло.

Давай, поговорим с тобою, ветер, —
Бездомный странник, ты меня поймешь.
Скрипит крыльцо: один на белом свете.
Поля пусты. В амбарах сохнет рожь.

Я многих потерял и многих встретил.
Пел: «Жора, поддержи мой макинтош...»
Давай, поговорим с тобою, ветер, —
Ты разговор по свету разнесешь.

И встречи, и разлуки не случайны.
Пустой стакан. Измятая кровать.
Я знаю: ты хранить не можешь тайны...
Поговорим – мне нечего скрывать!

Нет звезды. И сгнили колоски.
Серп и молот продали злодеи.
Герб страны разрублен на куски
Так, что ни собрать его, ни склеить.

А народ притих и поредел.
Неуютно юным, трудно старым.
Наша жизнь – топорный новодел,
Он не интересен антикварам.

Дерево возле подъезда хромое.
Снег во дворе.
Узкая щель между тьмою и тьмою —
День в декабре.

Ветер снежинки и крутит, и вертит.
Дерева скрип.
Узкая щель между смертью и смертью —
Жизнь словно всхлип.

Решалось все с жару да с пылу,
Жилось, как в нелепом кино.
Подумал: «Давно ль это было?»
И понял внезапно: «Давно!»

В ладони перо, а не птица,
А в небе – луна до утра.
Не знаю, что завтра случится.
Не помню, что было вчера.

Дождались весны. Поют ручьи,
Словно птицы. Почки зеленеют.
Мы с тобой по-разному молчим:
Я – короче, ты – чуть-чуть длиннее.

Гнезда ремонтируют грачи.
Да, пожалуй, ты меня умнее.
Мы с тобой по-разному молчим...
Так молчим, как мы молчать умеем.

Ночь. Бессонница. Сыро и стыло.
Лунный свет. По углам – полумрак.
Листопадом округу накрыло,
Льются листья водою в овраг.

И душа – слезы льются! – промокла.
Для чего я живу? Что за цель?
А луна?! Ей бы лазить по окнам
Да заглядывать в каждую щель.

И в реке, беспокойной и мутной,
Отразился свет, как на ноже.
Надоела луна... Неуютно
От нее на промокнутой душе.

Ночь – для слез, а совсем не для песен.
Для чего я живу – где ответ?
Окна дома туман занавесил,
Но с небес заструился рассвет.

Дым ползет от горячей ботвы.
Мы картошку печем. Ветви носим.
Золотистые вздохи листвы —
Словно тесто в квашне, дышит осень.

Теплый дым и прохлада земли.
Детский смех – непорочен и робок.
А когда улетят журавли,
Заблестят каравай сугробов.

Прибежим, поиграв под луной,
В наши избы – небесные кущи.
И не зря мы молились весной
В белом храме о хлебе насущном.

Русские

Нас не поставить силой на колени.
Но можно обмануть.
Мы часто побеждаем отступленьем,
И в этом суть!

Мы только Богу в храмах бьем поклоны,
Даем гонимым хлеб и кров.
Для русских пятая колонна
Опаснее других врагов.

Задрнул вечер занавески.
Меж серых айсбергов плыву.
Январь. Морозно. Старый Невский
Блестит в витринах, как во льду.

Оставил бар, вино в стакане
И глаз погасших синеву.
По тротуару, как «Титаник»,
К семейной гавани плыву.

Огни реклам. Все как в тумане.
Фальшив и призрачен уют.
И проститутки, как пираньи,
Вокруг неистово снуют.

Трубили печи в каменные трубы,
А ветер в луже облако лакал.
На женскую любовь я ставил губы,
Как на лису охотничий капкан.

Любовь хитрила. Но ее изнанка,
Как соль, белела на моем виске.
Мне дождик предсказал, а не цыганка
Судьбу по незатейливой руке.

Стоптав ботинки и разбив коленки,
Я понял: мир – шершав и угловат.
На мачте поднят парус, будто к стенке
Поставлен неприятельский солдат.

Куда плыву? Переплываю Лету.
Трепещет зыбь, как травы на лугу.
И словно серебристые монеты
Бросаю годы в мертвую реку.

Сентябрь. Набухшие аллеи.
Из туч скрежещет поздний гром.
Листва от сырости ржавеет,
Не рощи, а металлолом.

Жить в металлической пустыне
До снега... Воют провода.
Ржавеет прошлое. Отныне
Над миром ржавая вода.

Все, что болело, отболело.
Душа к дождям не рвется ввысь.
Ржавеет вымокшее тело,
И ржавчина съедает жизнь.

Надгробно – рекламные плиты.
Сиянье неоновых свеч.
Чужие слова, как бандиты,
Насилуют русскую речь.

То самоубийства, то стрессы —
Срывается с плеч голова.
Людей искушают, как бесы,
Страстями чужие слова.

Была бы кириллица вечной —
В молитве над храмом кружим.
Не облагороженный речью,
Родной мир нам станет чужим.

Мы счастья ждем, как солнца – из-за тучи.
И нам не суждено узнать пока,
Что отдадим и что взамен получим.
Да не отсохнет щедрая рука!

Подарим радость и больным, и сирым.
Наверно, счастье в том, чтоб быть собой.
А безразмерность горестного мира
Мы измеряем собственной судьбой.

IV

«А Русь еще жива... Еще жива...
Ни немцу не поддастся, ни монголу...»
Слова во рту сгорают, как дрова,
Подогревая в голове крамолу.

Не скрипы колесниц, не звон мечей
Тревожат сердце. Есть страшней невзгоды.
От пламени обманчивых речей
Бесследно гибнут страны и народы.

Сапоги мои – скрип да скрип...

Н. Рубцов

Устал шагать. Сносились сапоги.
В крестьянском доме водкою согреюсь.
Деревни вдоль дороги – узелки,
Что Бог вязал, на память не надеясь.
Деревня – пять коров на семь дворов,
А веники в сенях древнее лавров.
Железные останки тракторов
Блестят, как будто кости динозавров.
Меж осенью и летом – журавли
Клин вбили, приближая время спячки.
И жадно тянут воду из земли
Стволы деревьев, словно водокачки.
Россия – в свалку превращенный храм,
Иду и плачу – топь на месте луга.
Давно церковным звоном по утрам
Селенья не приветствуют друг друга.

Живетьево

Рассвет. Калиток скрип. Собачий лай.
Над трубами – дым, свившийся в колечки.
Живетьево... Черемуховый край.
Деревня дремлет меж ручьем и речкой.

Пыль тихо гонят к пастбищу стада,
Пастуший кнут звучит раскатом грома.
Такой ее запомнил навсегда,
Когда в слезах простился с отчим домом.

Живетьево... Зарос и высох пруд.
Нет «пяточка», где наша юность пела.
Другие люди поселились тут,
Которым нет до прежней жизни дела.

Труд с совестью вошли в крутой раздрай,
Взошел бурьян непроходимой чащей.
Конюшни нет, капустника... Сарай,
Где лен хранился, сломан и растащен.

Живетьево... Жизнь не всегда права.
Не вырастили для крестьянства смену.
Черемухи спилили на дрова,
А в дождь в деревне грязи по колено.

Где удаль? Где отцов и дедов речь?

В полях растут осины да березы.

Но вспомню перед тем, как в землю лечь,

И белый цвет, и ягод черных слезы.

Полрощи в солнышке игольчатом.
Печали нет и грусти нет.
Душа – поляна колокольчиков:
И синий звон, и синий свет.

Поют и птицы, и кузнечики.
Слеза от радости течет.
Душа цветет. И все изменчиво...
Но остальное все не в счет!

Старушка

Поет из-за печки старушке сверчок,
Цветут на комодке открытки.
И смотрит подсолнуха черный зрачок
В слепое окно у калитки.

Дряхлеет... Все реже из ветхой избы
Выходит в боры и дубравы.
Уже собирает гнилые грибы
И сушит над печкою травы.

Она не считает, как прежде, года,
Не думает, сколько осталось.
В душе отстоялась, как будто вода,
Святая безмолвная старость.

Жизнь идет от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Пред иконою в русской избе.

Утром дерево детского роста
Стелет ковриком тень на крыльцо.
Все таинственно, мудро и просто.
У всего есть душа и лицо.

Палисадник, заросший цветами.
Зелень прутиков около пней.
Мама меряет жизнь не годами,
А моими приездами к ней.

Тропинка бежит со двора
Заглавную строчкой анкеты.
А мама добра и стара —
Исполнилось семьдесят летом.

У мамы на окнах цветы.
Под окнами старый колодец.
Соседи, как правда, просты.
Один я здесь – что инородец.

Солятся в бочонке грибы,
И вялится рыба под крышей.
В игре бесприютной судьбы
Я детство домашнее слышу.

Шурша, облетает листва —
С ней ветер вступает в беседу.
Я счастлив, что мама жива.
Мне жаль, что отсюда уеду.

Хвоей усыпав причал,
Сосны шумели крылато.
Крался к воде краснотал,
Чтобы напиться заката.

В лодках, в деревьях, в песке
Юности берег светился.
Ясно, как в тихой реке,
В памяти он отразился.

В снах перевернута явь
И замирает движенье.
Но не добраться и вплавь
Мне до того отраженья.

Сумерки. Поют перепела.
В облаках закатных – пятна света.
Незаметно липа отцвела,
Ящеркой скользит по травам лето.

Провожая ласточек в полет,
Насладимся грустью и покоем.
Жизнь от нас меж пальцев ускользнет —
Не поймать неловкою рукою.

Забор. Сорока на калитке.
Ольшаник. Вербные кусты.
И наступают пирамидки
На деревянные кресты.

Я разведу кусты рукою —
В безвестный холмик ткнется глаз.
И нет ни вечного покоя,
Ни вечной памяти у нас.

Станция. Старый автобус. Билетом
Обзаведусь. И отступит мороз.
Родина встретит лазоревым светом
Чистых снегов и пречистых берез.

Небо прозрачное высветлит душу,
Над горизонтом затеплит звезду.
Мартовский вечер. Подмерзшие лужи.
Кто меня ждет? И куда я пойду?

Станет автобус. Тропинкой знакомой
Тени деревьев потянутся вслед.
И засияет над маминым домом
Детская память – Божественный свет.

Поле комбайном выбрито,
День за окном погас.
Мама читает Библию
Тысяча первый раз.

В Библии нет закладок.
Каждая строчка свежа.
Маме девятый десяток,
Просится к Богу душа.

Ярко цветет настурция,
Теплится свет икон...
Библия – не Конституция,
Но Основной Закон.

Мы юными были. Вечерняя мгла
Звала нас кузнечиков слушать.
Сначала тянулись друг к другу тела,
А после – пугливые души.

Ах, жизнь! Миражи и мечты забрала.
Теперь – что озера, что лужи...
Сначала в любви износили тела,
А после растратили души.

Тане

Вечер. Вместе солнце и луна
Прилегли на крышу старой дачи.
Дремлет юный ветер. Тишина.
Воздух неподвижен и прозрачен.

В ледяных осколках дачный пруд,
Сонные аллеи на просушке,
Синие подснежники бредут
Робко по безлиственной опушке.

Я привык приветливо встречать
Все вокруг, что долюбить осталось.
Утвердило сердце, как печать,
Чувствами и молодость, и старость.

Струится дым из черных риг,
Ольха в реке листву полощет.
Сентябрь подкрался, словно тигр,
И незаметно прыгнул в рощу.

Как будто кровь, зарю лакал,
Клыки дождя точил о камни.
И в роще вымокшей мелькал,
Качая пестрыми боками.

Полнеба тучами затмил,
Листву к реке погнал по склону.
Его я клюквой покормил
С ладони – он меня не тронул.

Поплакал – никто не осудит.
Вина пригубил. Покурил.
Покойники – тихие люди,
Не надо бояться могил.

Пшено на бумажной салфетке
Для птиц. Над оградой – сирень.
Нас ждут православные предки
На кладбище в Троицын день.

Тане

Дремлет птичий заповедник,
В кронах плещется пурга.
Между первым и последним —
Настоящие снега.

Глохнут слухи. Слепнут сплетни.
Нам не надо лишних слов.
Между первой и последней —
Настоящая любовь.

Когда болел, мне не пилося, не елось.
Зияла белой пропастью кровать.
Хотелось умереть... Но не хотелось
Мучительно и долго умирать.

А выздоровел – плакалось и пелось.
Парила белым облаком кровать.
Хотелось жить... Но вовсе не хотелось
Мучительно и долго выживать.

Доят коров, надев косынки,
Хозяйки в хоре петухов.
И накрывает мама крынки
Моими книжками стихов.

О ветре утро вспоминает,
Спросонья дышится легко.
Стихи чисты, и мама знает:
От них не скиснет молоко.

Цветок

Я был красив, и молод, и любим...
Но зыбко все и скоротечно в мире.
Как там цветок, что именем моим
Ты назвала, живет в твоей квартире?

Я счастлив был... Но кратко и давно.
И лишь цветок не понимает сроки.
Он воду пьет, как я с тобой вино
Пил и тонул в глазах твоих глубоких.

И свет зари, и колокольный звон —
Все в памяти красиво... И нелепо:
Вокруг – снега, но зеленеет он
В твоей квартире, превращенной в крепость.

Когда проходишь мимо, не спеши
Дверь отворить в поземку утром ранним.
Цветок – земная тень моей души,
Ты согревай его своим дыханьем.

*Памяти моего отца
Александра Евгеньевича Орлова*

Неожиданная пристань —
Старый дом и старый сад.
В этом доме чисто-чисто,
Словно сотню лет назад.

Скрип – разохлись половицы.
И часы двенадцать бьют.
Мне не спится... Мне не спиться...
В этом доме мало пьют.

Все уютно и степенно:
Богородица в углу.
Фотографии на стенах,
Лунный зайчик на полу.

Дремлет галстук. Дремлет блузка.
Дремлет кошка на окне.
То, что я родился русским,
Этот дом напомнил мне.

Зной... В речке нежится карась.
Дождь спрятался в кадучке.
И, словно стадо, разлеглась
Деревня на опушке.

Какой незаблемый пейзаж!
Ни шума, ни движенья.
Земля похожа на мираж:
Покой и отрешенье.

Вечерний холодок зари
Не скоро пыль остудит.
...Но приглядишь: уже вдали
Стога возводят люди.

И хриплый голос теплохода,
И предвечерний холодок...
Как предусмотрено природой,
Уходит юность за порог.

Я не окликну, провожая,
Легко забывшую меня.
И, словно женщина чужая,
Она уйдет на склоне дня.

Не буду пристальной и строже
Смотреть на выцветший закат.
И станет прошлое дороже
От предназначенных утрат.

Печь топлю. А под окошком ветер
Яблоню сгибает, словно трость.
Я случайный гость на этом свете,
Но забыл, что я всего лишь – гость.

Не один такой. Наш мир непрочен.
Хрупко и здоровье, и семья.
В сердце – холодок бессонной ночи.
Трость... Пижама... Желтая скамья.

Взгляд растерян, разговор отчаян.
И смешон тот врач, что учит жить.
Он распределяет, как хозяин,
То, что смертным не принадлежит.

Копим деньги. Тайно строим планы.
Ищем славу там, где ждет позор.
Все нелепо и немного странно...
Лишь на небе – воля и простор.

А когда меня задует вечер,
Словно догоревшую свечу, —
Обретая призрачную вечность,
Сизым дымом в небо улечу.

И мороз, и ветерок тщедушный.
Снежной птицей – на земле зима.
Солнце в небо, словно шар воздушный,
Подымает на дымах дома.

А в домах – веселый свет улыбок.
Здесь привыкли ближнего любить.
Как огромен мир! Но как он зыбок!
Не забудь его благословить.

Прогнулась крыша. Моль побила шторы.
Крыльцо осело, а штакетник дряхл.
Здесь все хромает... Даже помидоры
Бредут в июль на длинных костылях.

Округа жизнь смиренно принимает.
Безлюдье. Нищета. Печальный вид.
Прихрамывает бабка. Дед хромает.
А совесть крепко на ногах стоит.

Холодно и сыро. Солнце тускло
Светит. Имярек – безродный век.
Я родился русским, жил по-русски
И умру как русский человек.

Отпоют священники и ветры
Прах. И ляжет крест на аналой.
Я хочу, чтоб два квадратных метра
Оставались русской землей.

Как статуи, пугал фигуры
Встречаю на сельском пути.
И, словно веселые куры,
Стучат по калиткам дожди.

Целует реку у часовни
На цыпочки вставший родник.
А рядом – к избушке крыжовник
Колючей щекою приник.

Герань отражается в раме.
Придвинуты стулья к столу.
Гроб с музыкой – черный динамик
Затих под иконой в углу.

И прожито много, и много
Утрачено веры и сил.
Но, видно, недаром у Бога
Я тихую пристань просил.

Скорбит у крыльца осина.
Над крышей умолк скворец.
«Во имя Отца и Сына...»
В могильной земле отец.

Цветут лопухи у тына.
В бурьяне увяз овин.
Во имя отца и сына
Ушел на чужбину сын.

В отцовской избе пустынно.
В углах полумрак и стынь.
«Во имя Отца и Сына...
Аминь!»

Б. Подопригоре

«Седина и морщины,
Шрамы, пристальный взгляд —
Украшенья мужчины», —
Вслед старушки острят.

Проще будь и добрее.
Помни: сердце – не лед.
Тот красиво стареет,
Кто красиво живет.

Свечка. Зеркало. Слеза.
Ночь. Часы стоят.
Сам себе смотрю в глаза,
Холодеет взгляд.

Закричу, судьбу кляня, —
Оборвется крик.
Безразлично на меня
Смотрит мой двойник.

Мрак. Бессмысленный турнир.
Воткнут взгляд во взгляд.
Слеп потусторонний мир.
И часы стоят.

Низкой тучи полет.
Шум воды, как в морях.
Дождь идет и идет.
Время стало в дверях.

Ни блескучей грозы,
Ни чужих голосов.
Дождь идет, как часы,
Только вместо часов.

В небесах журавли.
Отодвину засов.
Дождь дошел до земли,
Словно гиря часов.

То в киоте Спаситель.
То в рамочке вождь.
Время – это медлительный
Длительный дождь.

Закричу – не к добру, замолчу – не к добру.
Я бутылку, как девку, за бедра беру.

Отвечаю вопросом на скользкий вопрос.
И бутылку, как девку, целую врасос.

Отпылала любовь – не смотрю на золу.
Я бутылку, как девку, бросаю в углу.

Не стыдите меня – знаю все наперед.
А бутылку, как девку, старик подберет.

Ветрено и сыро. Под калоши
Дождь течет. Сквозняк струится в двери.
Полдень. Ветви хлопают в ладоши
Листьев, как в театре на премьере.

Что за век? Какое время года? —
Не понять. Все чувствую впервые.
Те, кого люблю, всегда живые.
Лучшая погода – непогода.

Дул в залив, как в распахнутый ворот,
Ветер, вытеснив дождик и снег.
Думал каменным черепом город,
Напрягая извилины рек.

Люди шли по мостам, словно мысли,
Одиноко. Шуршали плащи.
Улетал полдень – лопнувший выстрел
С Петропавловки, как из пращи.

Я вникал в переулках тенистых
В шепот стен, как в шуршанье страниц.
И открылась мне истина истин:
Жизни нет вне предметов и лиц.

Моя поэзия здесь больше не нужна...

С. Есенин

Между черным и белым – контраст
Над Невою в гранитной оправе.
Этот город меня не предаст,
Но и памятник мне не поставит.

Сплетни кружатся, как воронье,
И парят, словно чайки, легенды...
Настоящее имя мое
Под запретом до траурной ленты.

То ли свет, то ли снег с облаков
На ладонях у кариатиды.
Возвращаю долги... И врагов
Начинаю прощать за обиды.

Мрачно по хлевам жуют стада
Сено – эхо солнечного света.
Осень. Постаревшая вода
Сморщилась от холода и ветра.

Облака юны, а ветер дряхл.
Листопад застыл потоком лавы.
Дремлют на поветях и в яслях
Солнцем одурманенные травы.

Льдинки, как бубенчики, звенят,
В сточных желобах на огороде.
Ничего не следует менять —
Все без нас меняется в природе.

Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.
Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.

Тревожит сердце облачная рябь —
Печаль о невозвратном и любимом.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Березы, наслаждаясь желтым дымом.

Слепым дождем прибило в парке пыль,
Кольшутся аллеи в дымке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль —
Божественный смычок над красной
скрипкой.

И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.

Перемешалось все: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поет, как музыкальная шкатулка.

Не видно ни синиц, ни красных снегирей —
в спокойные леса за город улетели.
Февральский листопад вечерних фонарей —
Кружится желтый свет в разбуженной метели.

Бежит, как самолет по взлетной полосе,
по крышам снег, спустив с небес
на землю холод.
И шинами машин в снегу шипит шоссе —
бетонная змея, вползающая в город.

И ветром каждый клен натянут, словно лук:
не парк, а легион... Где римляне и греки?
Гранитный Лаокоон – февральский
Петербург
укутался в шоссе и выставшие реки.

Люблю дороги и леса, как братьев и сестер.
Я искру посажу в ночи – и вырастет костер.

Пыля, дороги приползут погреться у огня,
И поведут свой хоровод леса вокруг меня.

Ночные птицы прилетят. И прибежит зверье.
Набьются комары в шалаш – отшельничье жильё.

Заговорит и запоеет разбуженный простор.
О, как огромен этот мир, когда горит костер!

Тихий полдень. Мягкая прохлада.
Вдоль дороги – пестрый травостой.
Мама коз пасет, а если надо —
Лечит шустрых коз святой водой.

Птичий свист и невесом, и тонок.
Рядом дом – не мал и не велик.
Сладко спит на Библии котенок,
Словно нерадивый ученик.

Отцветает липа. И знакомо
Светит солнце. Мир душист и прост.
А глаза закрою – возле дома
Вижу мать и стадо белых коз.

Летней ночью форточку открою —
Самолет оставил белый след.
Нет на небе свалок и помоек,
С неба льется чистый-чистый свет.

С облаков спускаются зарницы,
А в полях поют перепела.
И светлеют заспанные лица —
Наши души чище, чем тела.

Друг мой! Небесный мой брат!
Где же ты? Шелест берез.
Холмик. Кладбищенский сад.
Игрище птиц и стрекоз.

Майская синяя высь.
Белой черемухи ветвь.
Я тебя младше на жизнь.
Ты меня старше на смерть.

У крыльца листвы опавшей ворох,
В огороде сухо, но тепло.
На тумане, словно на рессорах,
Вдоль реки качается село.

В синей дымке исчезают стены,
В мокрых окнах гаснет сонный свет.
В зиму уплываем постепенно,
Вьется листопад, как желтый след.

Звезды хороводят над рекою,
Словно первый поднебесный снег.
Время размышлений и покоя.
Тихий вечер. Мудрый человек.

Живут, чтобы выжить, тихо, без затей —
Им дела нет до нынешних вождей.
В полях – осот, бурьян да Иван-чай.
Открой ворота и беду встречай.
Давно не видно сена на возах,
Везде кусты и сорные растенья.
Живетьево живет на небесах,
А рядом с ним – соседние селенья.
На кладбище – у всех кресты в ногах! —
Друзья отца и матери подруги.
И ползают в некошених лугах
По узким тропкам серые гадюки.
Зайчат в деревне встретишь – не ягнят,
Вокруг домов – осины да березы.
Не косы, а кузнечики звенят,
И бабочки порхают, и стрекозы.
Висят замки – не дети! – на дверях,
И смерть приходит чаще, чем невеста.
Стоит Россия, как на якорях —
На кладбищах, ее не сдвинуть с места.

Не пробьется даже робкий лучик,
Кажется – по всей земле метет.
Снежная простуженная туча,
Как налим, плывет на икромет.

Над седою церковью, над полем
И над лесом – таинство снегов.
День, лишенный Солнца, против воли
Вышел из декабрьских берегов.

Потемнело, словно в преисподней,
Прячется в снегу следов пунктир.
Становлюсь свидетелем сегодня
Тех минут, когда родился мир

Не ливень, не северный ветер,
Не ворон, не злое зверье,
А голубь с оливковой ветвью —
Прозревшее сердце мое.

Являются светлые лица,
Забыты и злость, и раздор.
И сердце – библейская птица —
Вьет в праздничном храме гнездо.

Еще кадит последняя надежда,
И прошлое не надо ворошить.
Но возраст мой такой, когда одежда
Меня спокойно может пережить.

Не завершил свое земное дело —
Свою судьбу не до конца постиг.
Одежды хватит на больное тело,
А для души куплю немного книг.

И воином бывал, и миротворцем...
Сгорело сердце угольком в груди.
А свечку пред Николой Чудотворцем
Поставлю за грядущие пути.

Луна и солнце, как на коромысле,
Качаются над сумрачным прудом.
Листва бежит по ветру, будто мысли
О чем-то невозвратном и родном.

В резьбе настенной, в надписи на скальной
Мир отразился, словно в родниках.
О чем-то не свершившемся и дальнем
Душа грустит, скитаясь в облаках.

Масленица

Впряжется конь-мороз
В оглобли поутру —
Скрипит обоз берез
На выстывшем ветру.

Огнист рассвет-петух,
Мелькнувший из-за туч.
– Здоров ли русский дух?
– Здоров... Да спать могуч!

Проснись, мой русский брат,
На масленицу в срок.
Березы к нам спешат —
Обозы вдоль дорог.

Лето

Утренний луч обогреет подушку,
В дряхлой сторожке проснусь.
И над рекою услышав кукушку,
Ей улыбнусь.

Запах цветов, земляники и дыма.
Лодка. Морщинистый плес.
Солнышком скатится юность незримо
В рощу берез.

На берегу водохранилища

Два шага до спящей воды.
Стрекозы летают мористей.
И, словно кальмары, плоды
Шиповника в зелени листьев.

Беспамятством варварских лет
Я сам себе чужд и несносен.
Колеблется солнечный свет
В медузах реликтовых сосен.

Кто я? Пилигрим? Новосел?
Взираю на мир из-под кепки.
На крышах затопленных сел
Рассыпаны чайки, как щепки.

Лес рубят... Сосна – не тотем.
В нас рыбы и ящеры дремлют.
Но мы из воды не за тем
Пришли, чтоб затапливать землю.

V

Крестный ход

Паломники идут за рядом ряд,
И радостно щебечут птицы в кронах.
А солнечные лучики горят
Торжественно на поднятых иконах.

Уходим от наветов и невзгод
Мы с памятью о подвигах державных.
Иисус Христос приветствует народ
Колоколами храмов православных.

И стук сердец, и светлых душ полет...
Мы верим в то, что Бог и правда – с нами.
Святая Русь по Невскому идет —
Над ней молитвы реют, словно знамя.

Автандилу Бутхашвили

Кура и Арагва. Божественный свет на волнах.
Разносится эхом в ущельях звучанье Псалтыри.
Белесые горы. Не здесь ли смиренный монах
Воспитывал в келье молитвою Мцыри?

Вода не течет, а срываясь с обрывов – поет!
Мятеж и смирение под небом слились воедино.
Россия и Грузия. Светлой молитвы полет.
Грузинские сказы вплетаются в наши былины.

Туманы спускаются с гор – за верстою верста.
Земля под ногами – омытая кровью, святая!
Я в Мцхету приду поклониться Хитону Христа —
Душа православная ангелом в храме летает.

Голову кружит ладан.
Молча зажгу свечу.
Чтоб прикоснуться взглядом
К Господу, как к врачу.

Ломаный, тертый, битый,
Чтобы душою креп,
Я прошепчу молитву
Точную, как рецепт.

То трагедии в мире, то драмы —
За безверие платят сполна.
Но возносятся белые храмы
Над страной, что от горя черна.

Жизнь зовет приниматься за дело.
Сеют хлеб. Ржет на пастбище конь.
Над селом, что душой протрезвело,
Поднят крест, словно Божья ладонь.

Раскаленный закат птичье небо поджег.
И дорога до звезд далека.
Черный вечер трубит в серебристый рожок,
Собирая в стада облака.

Мир тревожен и глух. На душе непокой.
Но куда-нибудь нужно идти.
Церковь с белым крестом впереди за рекой,
Отчий дом за ручьем позади.

В стороне на болоте шумят камыши.
Поднимается пыль из-под ног.
Я один словно перст. И вокруг ни души.
Надо мною лишь вечер и Бог.

Светилось небо пламенем знамен
Над миром, переменчивым и вечным.
И тысячами листьев слушал клен,
Как наступал неторопливый вечер.

Прохладной мглой наполнился овраг.
Нам никуда от вечера не деться.
Он наступал совсем не так, как враг.
Он шел ко мне, как лучший друг, из детства.

Принес луну и крынку с молоком,
По запыленной звездами дороге.
Я ждал его. Я с вечером знаком.
Приятно с ним беседовать о Боге.

Уезжаю... В грусти сердце тонет.
Долго будет вспоминаться мне,
Словно Богоматерь на иконе,
Мать моя в распахнутом окне.

Желтый вечер. Рожь росой намокла.
Ароматен Яблоковый Спас.
За спиною золотятся окна
Дома, как резной иконостас.

Взошла ущербная луна —
Не различить следы.
Я не пьянею от вина —
Пьянею от беды.

Укрыл окраину села
Черемуховый дым.
Не светит свет. А светит мгла.
Над кладбищем твоим.

В ладу живите с миром. В Бога верьте.
А на судьбу не следует пенять.
Чего душа боится? Может, смерти,
А может быть, бессмертья. Не понять!

Когда забудет сердце об Отчизне,
Нет смысла ни в минутах, ни в часах.
Стремленье к смерти и стремленье к жизни
Пред нами Ангел держит на весах.

С ладони птичку покормил —
И в храм вошел согрет.
Иконы – окна в Божий мир,
Из них струится свет.

Когда в душе темным-темно,
Когда она болит —
Для излечения дано
Свечение молитв.

Звездный свет над землей струится,
И душа оставляет плоть.
Полночь. Время пришло молиться
На творенья Твои, Господь!
Помолиться за то, что будет,
И за то, что уже прошло.
Сумрак выдохнуть полной грудью,
Чтобы душу не обожгло.
Вспоминаю родные лица
Сквозь безлунный небесный свет.
Невозможно не помолиться
За живых и за тех, что нет
С нами... Плачет ночная птица.
Звездный свет – в перекрестьях рам.
И молиться бы, и молиться
На дороге, ведущей в храм.

Ирэне Сергеевой

Возрождает Господь колокольные звоны,
Оживают и вера, и святость в словах.
Покаянная скорбь. Горько плачут иконы,
Словно старые матери, в русских церквах.

Прозреваем и в белые храмы приходим,
Черный грех из души прогоняем крестом.
Горько плачут иконы о русском народе —
Блудном сыне, пришедшем в родительский
дом.

Искушенья народа – нет хуже напасти:
Продается душа, чтобы тешилась плоть.
Квартиранты Кремля не управились
с властью —
Православною Родиной правит Господь!

*Памяти монахини бабушки Елены, нянчившей
меня в детстве*

Уютен скромный уголок
Избы. В окошко солнце светит.
Я не один – со мною Бог,
Нет одиночества на свете...

Забыло скрип шагов крыльцо.
Икона. Свет лампадки зыбкий.
И Богородицы лицо
Слегка озарено улыбкой.

Молитва. Библия в руке.
Блестит день закатной гранью.
И дремлет в Божьем уголке,
В клубок свернувшись, мирозданье.

*Памяти матери Евдокии Константиновны
Орловой*

Дождичек вымыл рамы.
Слезы бегут из глаз.
Вот и не стало мамы
В тихий Медовый Спас.

За упокой молебен,
Свечи горят, дрожа.
Облачком белым в небе
К Богу летит душа.

Свет и прохлада храма,
Кладбище за стеной.
Вот и не стало мамы
В жизни моей земной.

Юрию Шестакову

Битва за веру. Ручьями —
Кровь. Шепот русских молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

Крепче и камня, и стали
Вера... Я верой клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов —
Смотрит с хоругвей Христос.

...В наших каютах и кельях
Молится Родина-мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

Иеромонаху Александру (Фауту)

Хотя еще безумствуют химеры
И в грешных душах много пустоты,
Гуляет по России ветер веры
Христовой. Встают золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
Светлее храм. Пышнее каравай.
Россия куполами колосится —
Хранит Господь духовный урожай.

Отцу Анатолию (Денисову)

Вышло солнце – и тучи померкли.
Отдыхают луга от дождей.
Деревянная сельская церковь —
Дух Господень и души людей.

Нет от Бога у сердца секрета.
Крест возвышен и низок поклон.
И блаженствуют в лучиках света
Гладиолусы возле икон.

Всех усопших земля приютила —
Спят в ней прадеды, деды, отцы...
И звенит в русской церкви кадило,
Как на тракте звенят бубенцы.

Здесь в молитве встают на колени,
Повторяя святые слова.
В этой сельской округе священник
Ближе людям, чем грешный «глава».

Космос – вечная Божья свобода, —
Мне сказал астроном-богослов.
Во Вселенной он ищет не воду,
А мелодии тонких миров.

В небе песни ночного простора
Заплетаются в звездный венок.
Мирозданье – оркестр, пред которым
С дирижерскою палочкой – Бог.

Душа юна и дух не дряхл.
Жизнь учим наизусть.
Мы в храмах, как на кораблях,
Плывем в Святую Русь.

То бьет волной, то бьет молвой
Дыханье гиблых мест.
Но, словно флаг, – над головой
Наш православный крест.

Гаснут звезды, словно угли,
На рассвете в облаках.
Угловатый город Углич
Просиял костром в веках.

Облака завиты в букли,
Чайки дремлют на песке.
Куполами древний Углич
Отражается в реке.

Замираю – всплеск ли, стук ли...
Сладкий донник видит сны.
Поднебесный город Углич —
Сердце северной страны.

У жены нательный крест под блузкой,
Без креста народ и слаб, и сир.
Как Христа, Творец приносит русских
В жертву, чтоб спасти заблудший мир.

Помолюсь о предках. Я не вечен —
Улыбнись и каждый жест лови.
Догорают люди, словно свечи, —
Плачет Храм Россия-на-Крови.

Ирэне Сергеевой

Горячих молитва остудит,
Замерзших согреет. Меня
Спасет... Люди – все-таки люди,
Не ангелы. Судного дня
Дождутся, хотя не желают...
Накажет Господь и простит.
Молитвой к небесному раю
Указаны людям пути.

Я не останусь ночевать нигде.
Ни у красотки, что живет без мужа,
Ни в мраморном дворце, ни в пьяной луже.
Домой вернусь по суше и воде.

Вокруг меня людская суета.
Смешные сплетни, глупые советы.
А дома надо накормить кота,
Поливать цветы и прочитать газеты.

Холостякую... Ну, и что же в том?
В соблазнах нет покоя и спасенья.
Я более всего люблю свой дом
И домового, что живет вне зренья.

Важнее – дом... И ты права.
Хотя живут на свете
И подзаборная трава,
И беспризорный ветер.

В светелке – свет, в подполье – тень.
Всего есть понемногу...
Но сохраню на черный день
И посох, и дорогу.

Лишь глаза прикрою – лица, лица...
Вместе мир небесный и земной.
Прожитые дни, как будто птицы,
Кружатся крикливо надо мной.

Горестно. Незваными гостями
Прилетели. Шумный трепет крыл.
Я своими тайными страстями
Их поил и чувствами кормил.

Прочь! Не надо каркать над больницей.
В снежной шубке под окном сирень.
Я с ладони звонкою синицей
Отпускаю в небо новый день.

Кипарисы мокнут. Олеандр
Отцветает. Обмелевший Понт
Дремлет у бамбуковых оград,
Обложив дождями горизонт.

На базарах – россыпи хурмы.
И картав, и резок разговор...
И светлы вечерние псалмы.
В древнем храме у подножья гор.

Приобщенью к Богу смертный рад,
Забывая груз мирских забот.
Кипарисы мокнут. Олеандр
Отцветает. Засыпает Понт.

Побережье

Б. Подопригоре

Утес. Блужданье солнечных столбов
Меж синих туч. Плеск рыбы возле бакена.
А ландышей – как белых черепов
На траурных картинах Верещагина!

День провожаю. Чайкам хлеб крошу.
Не признаю парламенты и ратуши.
Устану – как под простыней, лежу
Под белой ночью. В изголовье – ландыши.

Не финский ножик – распорол буксир
Реку... И комары затишье отняли.
И хрупок человек, и зыбок мир!
И прорастают черепа на отмелях...

Заросли травой руины храма.
Но, пройдя безверия юдоль,
В состраданье, словно в волчью яму,
Я попал – в глазах слепая боль.

Стыдно, что порою беззаботно
Жил и не крестил перстами лоб.
Жаль мне стариков, детей, животных...
Всех, кто беззащитен, слаб и добр.

Прозреваю от печальной боли:
Вместо сердца – теплая зола.
Купол золотой блестит над полем,
И поют во ржи колокола.

Встанут храмы – оживет Россия,
Дети запоют, как соловьи.
Наша жизнь – не в злобе и не в силе,
А в смиренной вере и любви.

Нам остались домашние клочки.
Нет имен. Не встречаем гостей...
Мы как две обгоревшие спички.
Наша жизнь – крематорий страстей.

Как зола, остывают привычки.
Дремлют нервы, свернувшись в клубок.
Мы как две обгоревшие спички.
Наша спальня – пустой коробок.

Памяти друзей юности

Долго слышатся отзвуки грома.
Над болотами – редкий туман.
Горький запах цветущих черемух,
И любви мимолетный дурман.

После всех подойду к аналою,
Помолюсь и закрою глаза.
Помню всех, кто порхал над землею,
А потом улетел в небеса.

Молитва

И свет небесный наполняет храм,
Когда в молитве преклоню колени.
Дай, Господи, здоровья всем врагам
Моим, а мне – покоя и терпенья.

И душу исцели мою, и плоть,
И подари мне мудрое смирение.
И долгою дней моих, Господь,
Тебя прославлю, обретя спасенье.

На колени стал. Святая Дева —
Предо мною. Храм похож на рай.
Справа – Серафим Саровский. Слева —
Светлый Чудотворец Николай.

Свет и счастье... Как во время оно,
Прихожане все – моя родня.
И святые лики на иконах,
Словно предки, смотрят на меня.

Белая церковка в березняке —
Белая птица на белой руке.

Льется, смиренной молитвой согрет,
С белого купола ангельский свет.

Словно лампаду, Господь, не гаси
Белую жизнь в православной Руси.

В белые теплые майские дни
Белую птицу мою не спугни.

Замолчал коростель, захлебнувшись тоской.
Отцвели васильки в борозде.
Ты мелькнула, как ветер, над сонной рекой,
Отразившись зрачками в воде.

В омутах предрассветных тонула звезда,
Где я плыл на баркасе один.
И смотрела твоими глазами вода
На меня из бездонных глубин.

Лохматый август к дому подойдет,
Рассыплет птичью стаю у окна.
И яблоком созревшим упадет
На грядку краснобокая луна.

И тихо обнажится дно реки.
Светло и зябко станет на душе.
И ранний холод обожжет виски.
И не вернется женщина уже.

Горячие холмики. Сосны.
И свет с высоты
Струится, нездешний,
таинственный, вечный.
Надгробья безмолвны.
И звезды молчат, и кресты.
И белые козы по кладбищу
бродят беспечно.

Преддверье покоя.
И рая преддверье. Сюда
Приходят, отбуйствовав
и отбродяжив, смиренно.
И здесь остаются —
находят приют навсегда.
Незыблемый мир.
Вдалеке от оград перемены.

Горит земляника.
И ящерики юрко скользят
По серым надгробьям.
Природа и жизнь изначальны.
Шагнешь и... замрешь.
Остановит задумчивый взгляд:
Ты сам на себя

с фотографии смотришь печально.

Трава зашуршит —
запоет колыбельную мать.
И ангельский ветер
погладит незримой рукою.
Зачем суетиться,
собратьев локтями толкать?!
Всем хватит под соснами
вечности, счастья, покоя...

Я люблю весенний шум сосны
И апрельский голос певчей птицы.
Помолюсь за сирых и больных,
За которых некому молиться.

Кружатся над храмом журавли,
И пылится сельская дорога.
К падшим сострадания и любви
Попрошу молитвою у Бога.

Завернется вечер в звездный плед,
И туман повиснет над рекою.
Кто-нибудь помолится мне вслед,
Пожелав смирения и покоя.

*Любите врагов своих, сокрушайте врагов
Отечества, гнушайтесь врагами Божиими.
Св. Филарет Московский*

Православный... Без жертвенных пугал.
Не суннит, не буддист, не хасид.
Загоняйте меня в тихий угол,
Но лишь в тот, где икона висит.

Если вы не пытались рабами
Сделать нас, почитающих Русь,
Я не стану рвать глотки зубами,
А смиренно за вас помолюсь.

И густ, и сладок воздух дачный,
Клубится облаком весна.
Холодная вода прозрачна,
А теплая вода мутна.

Цветет садовая ограда,
На грядках в рост пошла ботва.
Безгрешная душа крылата,
А грешная душа мертва.

Иеромонаху Александру (Фауту)

Если жизнь тяжела, то и смерть не проста.
Всходит солнцем над храмами Божий лик.
И приводит нас к истине путь Христа,
Остальные дороги ведут в тупик.

Ты зачем петлю надеваешь, поэт,
Иль ешь снотворное, выключив свет?
Тяжело умирать, если жизни нет,
Но легко доживать, если смерти нет.